РОВЕСНИК

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Февраль, 1976 год, № 2

На первой странице обложки: Может быть, это единственное, чему не надо учить ни одного ребенка в мире. Ребенок и солнце, ребенок и мир, ребенок и счастье — это на всех языках звучит одинаково: с одинаковой радостью, с одинаковой надеждой. Что же касается именно этой фотографии, то ее снял на Кубе в детском саду имени В. И. Ленина журналист В. Волков.

В КАНУН XXV СЪЕЗДА ПАРТИИ: рабочий, артист, журналист, колхозник, студент... — о мире и о себе

ХЕЛЬСИНКИ. Представители Демократического союза молодежи и Демократического союза пионеров Финляндии вручили министерству просвещения совместное заявление, в котором высказывается пожелание шире пропагандировать среди финской молодежи документы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В частности, предлагается подготовить на базе Заключительного акта совещания учебный материал для школьной программы.

ДСМФ и ДСПФ поддержали инициативу Союза старшеклассников Финляндии о проведении во всех школах дня, посвященного Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе.

ТОКИО. Токийский корреспондент американского журнала «Тайм» приводит результаты опроса руководителей 1586 японских фирм. 511 из них не намерены в этом году заключать трудовых соглашений с выпускниками японских вузов.

На снимке: японские студенты в поисках объявлений о найме на работу.

КАРАКАС. «Борьба молодежи и студенчества в защиту природных богатств и за национальную независимость Латинской Америки» — под таким лозунгом проходила международная встреча молодежи, созванная по инициативе молодежных организаций Венесуэлы. В ее работе приняли участие делегаты 60 стран мира, представители таких международных организаций, как Всемирная федерация демократической молодежи, Международный союз студентов, Международный союз молодых социалистов, Христианско-демократическая молодежь Америки.

Встреча проходила в атмосфере единства, заявил генеральный секретарь организации Коммунистическая молодежь Венесуэлы Ноэль Сирит. На ней представлены различные идеологические и политические течения. Делегатам предстояло разработать и утвердить Обращение к молодежи и программу действий молодежи в достижении целей, которые являются общими для народов всех развивающихся стран.

В свою очередь, представитель правящей партии Демократическое действие Альберто Ранхель отметил, что как в Венесуэле, так и в других развивающихся странах Латинской Америки и всего мира молодежь проникнута идеями единства, «которые будут способствовать созданию мощного блока стран, эксплуатируемых империализмом и международными монополиями».

БУДАПЕШТ. С недавнего времени по инициативе Совета охраны пешеходов в районе Пешта организованы пионерские посты регулирования уличного движения. 80 юных регулировщиков, облаченных в специальную форму, с жезлами и свистками в руках, взобравшись на специальные подмостки, изготовленные рабочими местной мебельной фабрики, несут дежурство на самых «детоопасных» перекрестках.

На снимке: активисты Совета охраны пешеходов на дежурстве.

ДАР-ЭС-САЛАМ. В национальном университете Танзании проходил трехдневный международный семинар «Студенты против расизма и апартеида». Семинар организован студенческим союзом этого университета и Международным союзом студентов. На этот форум собрались представители студенческой молодежи Кубы, ГДР, НДРЙ, СССР, Танзании, Ганы, Кении, Мадагаскара и других стран. Среди участников семинара — посланцы борющейся молодежи Чили, Родезии, ЮАР, Анголы и Намибии.

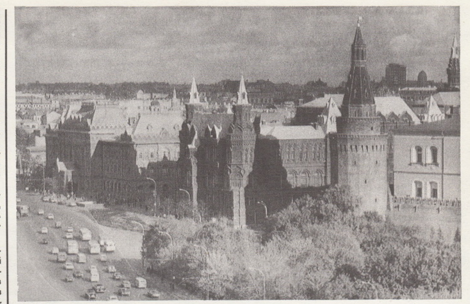
С речью на открытии семинара выступил первый вице-президент Танзании Абуд Джумбе. Обстановка в Африке и во всем мире, сказал он, изменяется в пользу социализма и революции.

БОНН. По настоянию председателя организации СДПГ северной части Нижней Саксонии, министра городского и жилищного строительства ФРГ К. Равенса из СДПГ исключен председатель одной из районных организаций «Молодых социалистов» Г. Лангхайн. Заместителю председателя районной организации «Молодых социалистов» в этой части Нижней Саксонии У. Кемпфу запрещено исполнять свои обязанности в течение года.

Причиной этих партийных наказаний явилось участие «Молодых социалистов» в мероприятиях по празднованию тридцатилетия освобождения от фашизма. Вопреки решению местной организации СДПГ они вместе с членами профсоюзов, коммунистами, членами молодежных организаций подписали также заявление, посвященное этой дате.

ТЕЛЬ-АВИВ. В вузах Израиля преследуют студентов-арабов. Тон задал университет Бар-Илан. Расисты потребовали выселить из общежития арабских студентов: арабы, мол, грозят «осквернением расе Израиля». «Мы больше не пустим сюда ни одного араба, а те, кто пролез, убегут сами», — заявили они.

XXV СЪЕЗД КПСС

Мы накануне XXV съезда КПСС. Пройдет несколько дней, и настанет то «завтра», когда он торжественно откроется. Что вы делаете завтра, читатель? В сущности, такой же вопрос мы задавали и героям этого номера «Ровесника», людям, живущим в разных местах нашей страны и занимающимся разными делами. Каждый из них рассказывает о жизни, о том, что он делает в ней и как ее понимает, а потому и завтрашний день наших героев представляется убедительно и конкретно. У ветеринара и комсорга из деревни Сохрановки Коли Шершикова завтра дежурство на ферме. Выходит в утреннюю смену на нелегкую работу крановщик Юрий Самотин. На очередную репетицию торопится народный артист СССР Игорь Моисеев. Спешит на ночное дежурство в клинику без пяти минут врач Алексей Савин. Обходит далекий кордон в Мещере лесничий Георгий Дмитриевич Рыженков. Листает утреннюю почту из Японии журналист Владимир Цветов... Жизнь идет, жизнь наполнена делом, и завтрашний день должен добавить свое ко всем прожитым до этого; из таких «добавок» и составляется личная жизнь каждого и общая наша жизнь — страны, государства.

Но есть дни итогов. Такие, как те, когда в Кремле будет проходить XXV съезд. Дни, когда мы посмотрим в свое вчера, сегодня, завтра.

Лесничий и артист, ветеринар и строитель, журналист и студент — каждый из них делает свое дело, помогая всем нам достичь тех конкретных рубежей в промышленности, сельском хозяйстве, охране окружающей среды, культуре, науке и социальном развитии, которые намечает партия. Такова их «внутренняя политика». Таково их личное дело, которое по праву и они и все мы считаем делом общим.

По вполне очевидным причинам не каждый день позволяем мы себе мысли «о себе и о вечном». Но какой-то внутренний, не нуждающийся в словах критерий соразмерности, взаимосвязанности собственных поступков и высших целей человечества — торжества свободы, справедливости, добра — у каждого, конечно, есть. Когда же происходят такие важные для нашей жизни события, как съезд партии, размышления о своей сопричастности с жизнью народа, с заботами и мечтами людей труда во всем мире становятся особенно естественными.

И вот что интересно: герои очерков — где бы они ни жили и чем бы они ни занимались в своей жизни — прочно и небескорыстно связаны со всем, что происходит в мире. «Корысть» их происходит от того, что это свойственно здоровому, нормальному, воспитанному по-советски человеку — желать всем людям Земли счастья, подлинной свободы, справедливости и добра. «Прочность» же идет от того, что уже давно — почти шестьдесят лет тому — каждый советский человек не считает эти идеалы только личными. Они нас объединяют каждый день, а тем более в тот, когда в Москве откроется XXV съезд Коммунистической партии. Жизнь идет и продолжается —

НАШЕ ЛИЧНОЕ ОБЩЕЕ ДЕЛО.

смотрите:

ДЕТИ РИСУЮТ МИР

Что рисуют дети? То, что они хотят сказать миру. Это их слова, но только более глубокие, нежели те, которые они способны произнести. Они рисуют не то, что видят, а то, что знают. Потому и человек выходит у них больше дома или Земли, потому и настроения человека, тем более его боль или его счастье, становятся у них главным.

Среди этих четырех рисунков — лишь один «с натуры», то есть нарисованный в Москве. Таня, его автор, нарисовала латиноамериканцев, распевающих на московской набережной. Для нее, москвички, такой интернациональный сюжет привычен.

Остальные три рисунка написаны воображением. И еще детским сердцем. Тем, что невидит тюремные решетки в Чили; тем, что в Африке любит и привычных львов, и экзотику новых высотных домов; тем, что дождалось в свои короткие и уже мудрые лета мира во Вьетнаме.

Вот как нарисовали дети из Московского Дворца пионеров и школьников наш большой и сложный мир, вот как они его знают. ЛИЧНО знают наш ОБЩИЙ мир.

Оля Исаева — Это Вьетнам.

Саша Фейнберг — Не хочу такого Чили!

Лена Коломийцева — Вот такая Африка.

Таня Зайцева — Московские студенты. Песня.

ЮРИЙ САМОТИН, РАБОЧИЙ-КРАНОВЩИК:

«Героизма не было, а просто, когда надо, работали и по ночам».

РУКИ МОСКВЫ.

ТАКИМИ ИХ ЗНАЮТ

В. ДУБИНСКИЙ

Не думал Самотин, что в жаркой Африке прихватит его радикулит. Станет поднимать автомобильный скат, и в бок неожиданно «вступит». Черт те что, у всех малярия, а у него радикулит.

Неделю не выходил на работу, отлеживался, но прописанного врачом покоя не было. То главный механик с расспросами, то Ярин Степан со своими россказнями про рыбалку на Чусовой: «Погоди, мы с тобой еще весь Урал изъездим». Потом зачастили ребята из ремонтной бригады: Мамаду притащил бутылку приторного «пальмиса». Все спрашивал, ждать ли Самотина к себе на свадьбу. Наконец попросил КрАЗ подвезти гостей из соседней деревни.

Только Мамаду за порог, ему на смену Мурлай. Потихоньку предложил поехать к деревенскому колдуну — колдун такие штуки вроде бы как рукой снимает...

И только ночью, когда все затихало, очнувшись в поту, Самотин разглядывал через окно яркие гвинейские звезды, и ему было покойно.

Помните ли вы друзей вашего детства? Не приходило ли к вам ощущение, что многие из них где-то совсем неподалеку? Они ходят, разговаривают, задумываются о сиюминутном и вечном, вбегают в кафе за углом, откуда вы, может быть, только что вышли, встречаются с теми, с кем вы расстались год или три тому назад, словом, живут и несут в своей жизни память о вас, как и вы несете память о них, совсем подчас об этом и не задумываясь, но все же готовые к возможной встрече, которая, как знать, поможет объяснить что-то непонятое тогда и вдруг ставшее важным сегодня.

Вот и мне кажется, что мы с Самотиным уже виделись где-то. Впрочем, ему этого не кажется. Он не склонен к подобному фантазерству. И говорит он мало, и все по делу. Вероятно, с ним можно проехать на поезде от Мурманска до Красноводска и не услышать лишнего слова. На тему своих сверхдальних командировок он особенно не горазд распространяться: «Чего трезвонить попусту, надо дело делать».

Между тем мы с Самотиным едва не одногодки. Вероятно, поэтому в памяти сами собой возникают картины детства: лобастый булыжник тихого московского переулка, игра в лапту, в казаков-разбойников, в чиру...

Из моих приятелей тех лет, проживавших в двухэтажной метрополии Замоскворечья, каждый был своеобразной фигурой, хотя, конечно, вожаками были не все. Самотина среди вожаков не было, за это можно ручаться. И в этом его своеобразное обаяние и основательность. Не суетился он, не любил этого, как бы давая другим фору.

Два кадра из фотобиографии Юрия Самотина. Такая уж у него жизнь, что один кадр снят в Монголии, а другой в Гвинее. И там и тут Самотин был на месте. Был при своем, всем нужном деле.

Их, Самотиных, у матери было пятеро. Воспитывались без отца и потому жили трудно. Юрке не дарили ни игрушечных железных дорог, ни дорогих наборов юного конструктора, ни велосипедов с блестящими ободьями. Вероятно, даже стихи Корнея Чуковского про Африку он узнал позже других.

Зато он раньше всех вставал. И деньги получать начал раньше других, как пошел работать. А в девятнадцать лет его поджидала армия, похожие на громадных моржей сопки Хибин и бесконечные дороги. Сначала морские — рейсы дизелиста-катерника, выводившего в море гидросамолеты; затем — бетонные и грунтовые, в глубь материка, за рулем большегрузного тягача.

Со стороны подумаешь: ну что за морока, перебрать вот так с десяток занятий, прежде чем натолкнуться на то, которое написано тебе на роду. А он не спеша перебирал, чтобы потом не пожалеть. И подобрал.

Другому скучно и непонятно, а он теперь между тем в вопросе выбора оптимального режима работающей машины чувствует себя как рыба в воде, уютно и по-хозяйски. И повидал немало. Куда только не заносило его — к подножиям циклопических плотин, к бастионам доменных печей, на стройплощадки высоченных домов. Нашлось бы чем и похвастать, будь он, Самотин, иным человеком.

Ну хоть бы тем похвастать, что вот прошли годы, и в один прекрасный день мальчишка, которому никогда не дарили тех велосипедов с блестящими ободьями, может говорить об этом без раздражения, но добродушно и как бы свысока. Что получился из него солидный мастер, Юрий Андреевич, без которого в принципе не обходится ни малая, ни крупная стройка. К слову сказать, и зарубежная.

Или вправе он похвастать тем, как героически сдавали они, рабочие треста «Бокситострой», рудник в ста километрах от Конакри, как вкалывали там сутками напролет. Монтаж продолжался с рассвета и до ночи, но оборудование из океанского порта доходило до ворот стройки как раз в конце рабочего дня. Усталость валила с ног, а нужно было разгружать автотягачи, и упрекать в том было некого. «Так что же в ЭТОМ интересного? Разве то, что все это приключилось на экваторе?»

Потом я спросил про Монголию: чем поразила?

— В Монголии все путем было, — смотрит, улыбается.

— А понравилась ли Монголия?

— Еще как!

Зимой, правда, не то, что летом. Весна студеная. С Байкала дует не переставая. И пока славное море не вскроется, самое неприятное — это поломка автомобиля где-нибудь в степи, километров этак за двести от первой юрты. Если дело к ночи, караван с оборудованием останавливается, люди залезают в спальные мешки и, не выключая двигателей, коротают ночь в кабинах. Хотя, если вспомнить Хибины, то, в сущности, то же самое.

Летом же поездка по монгольской степи — одно удовольствие. Прихватишь с собой удочки и, пока караван МАЗов и трайлеров отдыхает где-нибудь вблизи брода, надергаешь линей да хариусов по полкило каждый. Ухи наваришь, да и с собой прихватишь.

«Рыбы там полно, вот и вся неожиданность».

Что же до работы, то ни рыбалка, ни прочее баловство не могут помешать монтажу кранов в срок и как полагается.

Вот так мы сидим и разговариваем. И воспоминания приятные, хоть и далекие. Такие, наверное, приходят на ум человеку где-нибудь у костра.

Когда после Дархана Самотину предложили поехать в Африку, он согласился, сказав просто и ясно: «Раз надо, значит, надо».

Еще подумал: «Где наша не пропадала». Он ехал инструктором по кранам. Соседнее кресло в самолете занимал бывалый командированный. Он сказал, что географический пункт, куда направлялся Самотин, не такой интересный, как другой, соседний. И Самотин оскорбился за еще чужой и незнакомый ему город и даже страну. Приятно ли кому-нибудь услышать, как один заграничный командированный сказал бы второму заграничному командированному — хоть, например, вам:

— Люберцы (это где живет Самотин) — так себе. Зато Замоскворечье — вот это я понимаю!

И все-таки в Гвинее досталось. Как говорит Самотин, «героизма не было, а просто, когда надо, работали и по ночам». В общем, не апельсины вместо картошки. Это так все говорят и вспоминают.

Стройка раскинулась в ста километрах от океанских пляжей, посреди буро-красного, поросшего двухметровой травою плоскогорья. Прибыв на место и разбив палатки, люди опасались удаляться от лагеря даже на десять метров — мало ли что там ползает, в этой африканской траве. Робинзонада продолжалась все время, пока бульдозер выравнивал площадку, пока сплачивались воедино стены щитовых домиков, а беспечно транжиривший свою влагу ручей заключался в трубы и подавался к душевым, умывальникам, на кухню и в гараж.

Самотин не сразу заметил, какие дивные в поселке Дебиле ночи, как обрушивается на поселок и на него настоящий звездный водопад.

Но потом он все-таки любовался этим звездопадом и думал о том, что у каждого человека непременно должна быть своя собственная путеводная звезда и, может, его звезда видна и здесь...

У крановщиков дела нашлись уже в первый день, когда и поднимать-то на стрелке было нечего. Молодые люди из гвинейской бригады ремонтников хотели получить на русской стройке специальность. Сперва им надо было объяснить все и растолковать, потом разобрать тяжелый механизм, показать, как работают сальник и редуктор, сколько и куда лить масла и как пользоваться инструментом. Потом начертить на листке бумаги и показать ученику дизель. Втолковать, что такое приборная доска и почему колеблется стрелка вольтметра. Объяснить, к чему такая вещь, как профилактика. Всему этому он учил крестьянского сына Мурлая, который нанимался на стройку разнорабочим, а стал дизелистом электростанции.

А случалось и так, что не было времени дожидаться парохода с запчастями, а дело грозило остановкой, и начальник управления, человек с редкой фамилией Жан-Пушкин, самолично возникал в дверях самотинского домика:

— Вывернитесь как-нибудь...

Выворачивались. Изнашивались шестерни и валы — электросваркой наплавляли новые, обтачивали на токарном станке и тут же пускали в дело. Люди не подводили.

Хотя каждому не потрафишь. Когда Самотин собирался в обратный путь, опасался, что найдутся обиженные: почему записал в карточку шесть часов, а не восемь? почему лишил премии? почему взыскал за прогул?

Вышло, однако, иначе. Отчаянно трясли руку, тискали в объятиях.

— Не собираетесь ли еще чего у нас строить?

А он не знал, что ответить, и все-таки отвечал, и тоже тряс руки, и тоже обнимал.

Не помню уж, где и когда в нашей беседе промелькнуло слово, выражающее техническое, закрепленное ГОСТом понятие «надежность». В соответствии с ним на стрелах подъемных кранов, направляемых Машиноэкспортом в жаркие страны, стоит особый, не поддающийся ржавению в тропиках металл.

Но о надежности говорят и применительно к людям. Надежность по Самотину — это свойство мастерового господствовать над металлом. Превозмочь тупую статичность покоящихся на железнодорожной платформе частей, сложить из них «журавлика» высотой с двенадцатиэтажный дом, с выносом стрелы на двадцать метров и грузоподъемностью в пять тонн.

Самотин это умеет. Самотин надежный.

Где-то в Африке ленточные транспортеры без устали гонят куски буро-красной породы. Впереди у бокситов долгий путь — к трюмам океанских сухогрузов, потом за моря, за океаны. Под пятидесятиградусным экваториальным зноем. Уже без Самотина.

Он говорит: «Дело идет. Вот это и хорошо».

ВЛАДИМИР ЦВЕТОВ, КОРРЕСПОНДЕНТ МОСКОВСКОГО РАДИО:

«Раз пишут нам люди и даже делятся с нами своими личными радостями и горестями, значит, голос Москвы имеет живую обратную связь с аудиторией, значит, есть диалог, разговор».

ГОЛОС МОСКВЫ. ТАКИМ ЕГО СЛЫШАТ

Владимир ЦВЕТОВ

Фото Ю. Егорова

Журналистам-международникам не часто доводится комментировать собственную работу. Лично я за такую задачу берусь — по предложению редакции «Ровесника» — впервые. Если говорить кратко, мы занимаемся радиовещанием на Японию. Если говорить более точно — ведем разговор с теми японцами, которые хотят нас слушать, — стараясь при этом превратить этот разговор в диалог. Мы стремимся донести точку зрения нашей страны на международные проблемы и хотим рассказать правду о ее жизни.

Древний философ заметил, что нет ничего сильнее слова. При всей бесспорности этой мысли необходимо уточнение: нет ничего сильнее слова искреннего, доказательного и живого. О популярности книги судят по тому, насколько быстро исчезает она с книжных прилавков. Переполненный зал — свидетельство признания аудиторией лектора. А как узнать, находит ли отклик слово, сказанное по радио? Мерило одно: письма слушателей. Вот они-то, пожалуй, и помогут мне дать вам, читатель, представление о том, за что я и мои коллеги любим, ценим свое дело.

В 1922 году, когда советская «радиотелефония» — так именовали в ту пору радиовещание — только зарождалась, В. И. Ленин уже думал об использовании ее для передач, рассчитанных на зарубежных слушателей. По свидетельству современников, Владимир Ильич, говоря о значении радио, особо отмечал то обстоятельство, что мы «получим в свои руки «газету без бумаги»... через которую мы сможем успешно опровергать ложь и клевету, возводимые на нас, и информировать наших братьев, рабочих и крестьян капиталистических стран, о нашей деятельности, о нашей борьбе и достижениях, и информировать на их собственном языке! Ведь это величайшей ценности средство для столь необходимого информирования сотен миллионов трудового населения капиталистических стран о нашей действительности!» Сейчас наша «газета без бумаги», начинающаяся словами «Говорит Москва!», выходит на 64 языках народов мира. Ее «получают» жители 135 стран.

По выражению японских газет, в последние годы в Японии наблюдается «бум слушания передач из Москвы». Есть точная дата, когда в Японии, как и в других странах, начался этот «бум», — 30 марта 1971 года. В тот день на XXIV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев огласил советскую Программу мира, а Московское радио донесло ее до самых отдаленных уголков планеты. Именно с откликов на Программу мира, пришедших из Японии на Советское радио, мне и хотелось бы начать рассказ о двух собеседниках — о японских слушателях, авторах писем, и о нас, работниках радио.

«Мое мнение о выступлении Генерального секретаря Леонида Брежнева: в нем хорошо отразились социалистический образ мышления и действий, — таким был первый полученный Московским радио отклик. Ясуи Аоки из города Осака продолжал: — Благодаря выступлению Леонида Брежнева я понял позицию вашей страны по самому важному для людей вопросу — защиты мира».

Число подобных писем стремительно возрастало по мере осуществления Программы мира. Люди писали о мире как о главном для себя и о Программе мира как о «плане защиты жизни на Земле». И волнение, и скорая отзывчивость наших слушателей нам были понятны: не только потому, что Программа эта оживляла в людях самые сокровенные надежды и каждому помогала обрести веру, но и потому, что слушатели-то наши, наши собеседники были японцами. Каждый раз, получая стопку свежей почты и вскрывая оклеенные разноцветными марками конвертики, я ловил себя на том, что пытаюсь представить писавшего человека, и его дом, и его город. И сколько раз при этом словно слышал бой городских часов в Хиросиме, который раздается не в полдень и не в другой ровный час, а в 8.15 утра — в этот миг 6 августа 1945 года над Хиросимой взорвалась атомная бомба. Видел гранитную плиту с отпечатавшейся на ней тенью человека, испепеленного взрывом, памятник жертвам атомной бомбардировки и полную боли и надежды надпись на нем: «Спите спокойно, ошибка не повторится». Мне казалось, что от писем из Хиросимы должен исходить скорбный запах поминальных свечей, трепещущих на ветру у подножия памятника. «Общеевропейское совещание по безопасности и сотрудничеству — новый заслон термоядерной войне, — написал на Московское радио Наосукэ Наики. — Я спокойнее теперь: Программа мира осуществляется, человечество идет по мирному пути».

Мы понимаем, что волне писем мы обязаны самой сути того, что передает Московское радио, иными словами — политике нашей партии и государства, но все же такая почта вызывает в нас и чувство профессиональной гордости, ощущение полезности нашего труда. Раз пишут нам люди и даже делятся с нами своими личными радостями и горестями (а есть очень трогательные письма, я о них расскажу дальше), значит, голос Москвы имеет живую обратную связь с аудиторией, значит, есть диалог, разговор, и правда о нашей стране, о ее политике доходит до слушателей, вызывает у них непосредственный искренний отклик. Работать, зная это, и приятно и интересно.

...Мне вспоминается интервью, которое несколько лет назад я взял в Токио, на перекрестке самых людных улиц Гиндза и Харуми, у главаря «Патриотической партии великой Японии» Бин Акао. Он только что кончил митинговать с грузовика, оснащенного мощными динамиками. Акао призывал к походу на коммунизм, к расправе над всеми, кто не последует его призыву. Я спросил его:

— Наверное, вы знаете, как сильно сегодня стремление народов к миру. Наверное, не можете не учитывать этого стремления в своей политике? По вашему мнению, какой наиболее прямой и легкий путь к миру?

Фашист ответил:

— Всеобщее и полное вооружение. Спасение в этом. Сила спасет мир на земле. И в таком вооруженном мире самыми сильными должны быть Америка и Япония. Вьетнамы будут еще! Вьетнамы будут везде, где есть «красные»! Моя мечта — увидеть в таком Вьетнаме японских солдат.

Как видите, динозавры периода «холодной войны» в Японии не перевелись. Об этом пишут и радиослушатели:

«В нашей стране есть люди, которые выступают против политики мирного сосуществования. Надо остановить их. Надо, чтобы все японцы поняли, насколько важно сегодня укрепление добрососедских отношений между странами с различными социальными системами. Вы передали речь в Хельсинки Генерального секретаря Леонида Брежнева. Он сказал: уже сам факт, что Общеевропейское совещание оказалось возможным, означает победу разума. Леонид Брежнев сказал прекрасно!» Это из письма Кадзуеси Нисимура из Токио. «Мне бы очень хотелось, — продолжает он, — чтобы это совещание, которое завершилось успехом благодаря усилиям Советского Союза, сделалось путеводной звездой, ведущей народы к миру во всем мире, чтобы оно способствовало созданию системы коллективной безопасности в Азии, включающей и Японию».

Почта Московского радио лишний раз свидетельствует, сколь велик в Японии интерес к Советскому Союзу, к социализму.

Однажды в этой стране задались целью выяснить, кто из деятелей прошлого и современности привлекает наибольшее внимание японцев. Свыше половины опрошенных написали в анкете: «Ленин». Вождь социалистической революции потеснил всех, даже японских мыслителей и полководцев, хотя глубокое почитание своей истории и культурного наследия — характерная черта японцев. Япония — первая капиталистическая страна, где массовым тиражом вышло 45-томное Собрание сочинений В. И. Ленина.

Токийское отделение Лиги социалистической молодежи — прогрессивной организации, примыкающей к социалистической партии Японии, — организовало както вечер вопросов и ответов о Советском Союзе. По меньшей мере сотню вопросов задали мне собравшиеся в просторном зале молодые рабочие, служащие, студенты. Удивленные возгласы сопровождали мой рассказ о том, что в Советском Союзе во время выборов не бывает нарушений избирательного закона и что советские студенты не должны по окончании института возвращать полученную за годы учебы стипендию, что директор советского завода — тоже член профсоюза, того же самого, куда входят и рабочие, что квартирная плата не менялась в СССР сорок лет и не покрывает даже стоимости текущего ремонта жилого дома. Вопросы показывали: при необыкновенном интересе к нашей стране японцы знают о ней крайне мало.

«Япония — капиталистическая страна, и здесь можно прочитать или услышать новости о событиях в Западной Европе и особенно в Америке, а вот сообщений о социалистических странах, о Советском Союзе почти нет, — написал слушатель Минору Канэко из префектуры Тояма. — Поэтому Московское радио — единственный источник информации о вашей стране».

В письме Масанао Тамура, префектура Сайтама, говорилось: «Из того, что я услышал сегодня, меня больше всего поразило следующее: у вас во время выборов проголосовало 99,98 процента избирателей. В Японии тоже скоро состоятся выборы, но сомневаюсь, поднимется ли у нас процент участвующих в голосовании хотя бы до шестидесяти. У советских людей большой интерес к политике, и, я думаю, это заслуга КПСС. Желаю вам успехов».

«Слушала передачу о коммунистическом субботнике, — прочли мы в письме Тинами Иосида из города Сакаи. — Я считаю, субботники — это прекрасно! А советские люди, участвующие в них, — особые. Я работать бесплатно не смогла бы. Работать безвозмездно для народа и в конечном счете для собственного блага вообще-то можно, но трудно. Сознание у советских людей очень высокое».

Итиро Хираяма, житель Токио, поделился в письме такими мыслями: «Слушая ваши передачи, начинаешь хорошо понимать различия в социальных системах наших государств. Советские люди живут спокойно, они знают, что цены всегда будут стабильными. Для рядового японца свое жилье — все равно что цветок на вершине неприступного утеса. Понятно ли это советским людям? Ведь они получают этот цветок бесплатно, просто в порядке очереди!»

Токиец Масахико Окубо написал: «В вашей передаче услышал, что сахалинские врачи спасли жизнь японскому рыбаку и не взяли денег за это. Поразительно, что в Советском Союзе не взимается плата за медицинскую помощь. В Японии заболеть — страшно, так дорого обходится лечение. Слушая, как боролись сахалинские врачи за жизнь японца, я растрогался до слез. Глубоко уважаю советских людей, сделавших все для спасения человека».

В одной из популярных у нас книг о Японии содержится утверждение, что японский этикет считает невежливым перелагать бремя собственных забот на со-

беседника. Мне не хотелось бы оспаривать корректность этого обычая, но есть и иной обычай, выраженный такой вот восточной мудростью: «Куда мы можем сложить бремя тревоги нашей, как не в сердце друга». Судя по почте Московского радио, немало японцев следуют этой мудрости.

«Компания, в которой я работал, обанкротилась, и я остался без работы, — написал Норио Араи из префектуры Сайтама. — Мне не выдали зарплату за два месяца. Не получил я и выходного пособия, и пособия по безработице. Наш профсоюз выставил пикеты, чтобы не позволить кредиторам вывезти с завода готовые изделия, полуфабрикаты, инструмент. Профсоюз хочет продать все это, чтобы как-то возместить рабочим их потери. Но станки все же перешли в собственность банка. Рост цен, инфляция, загрязнение окружающей среды, безработица — поистине ужасное общество, полное глубоких противоречий».

«Я окончила университет и, чтобы получить место учительницы, ездила в разные города сдавать экзамены, — поделилась с Московским радио своими заботами Матико Танимура из префектуры Миэ. — В условиях экономического спада нам, молодым, особенно девушкам, желающим вступить в общество и начать работать, приходится очень трудно. В вашей стране используются индивидуальные возможности каждого, жизненный уровень гарантирован, и можно трудиться в полную силу. В Международный год женщины звучат призывы улучшить положение женщин, но в Японии мало отраслей хозяйства, где женщины могут занимать равное с мужчинами положение. В нынешнем году ведется беспримерно жестокая борьба за получение места служащего или преподавателя. И трудно сказать, как все сложится у меня».

«Я — инвалид и живу на государственную пенсию, — рассказал в письме Исаму Такахаси из префектуры Сига. — Так как цены все время повышаются, пенсионерам жить становится все тяжелей. По вашему радио я слышал, что в СССР проявляется большая забота о пенсионерах. Счастливчики, они ведут обеспеченную жизнь».

Первый в Японии перевод романа Льва Толстого «Война и мир» вышел в конце прошлого века под заголовком «Плач цветов и скорбящие ивы. Последний прах кровавых битв в Европе». В предисловии переводчик уведомил: «Ввиду того, что оригинал местами длинен и растянут, я там, где это было нужно, сокращал его». Возможно, подобные анекдотические случаи и породили мнение, что японцы охотно и легко заимствуют материальную культуру, но не приемлют культуру духовную, если она не уложена в традиционные для них эстетические рамки.

Но на концертах в Японии Большого симфонического оркестра Советского телевидения и радио я видел в зале людей, следивших за исполнением симфонии Шостаковича по партитуре. Это не были профессиональные музыканты. Один из слушателей оказался муниципальным чиновником, другой — служащим торговой фирмы... В университете Васэда студенты кафедры русского языка поставили пьесу Горького «На дне». На сцене звучала русская речь, но все, кто находился в актовом зале, внимательно наблюдали за действием.

— Интересно ли вам, ведь вы не понимаете по-русски? — спросил я у студента-зрителя.

— Конечно, интересно, — ответил тот. — Эту пьесу Горького я знаю почти наизусть.

Письма радиослушателей подтверждают: подлинное искусство доходит до сердца японца и жадно впитывается им. «Слушал вашу радиокомпозицию по роману Леонида Леонова «Русский лес», — написал Идзуми Насу из префектуры Канагава. — Передача взбудоражила меня. Леонов показался мне очень близким человеком. Теперь пойду в книжный магазин и поищу там книги Леонова».

«Переданная вами в концерте по заявкам «Песня о Чапаеве» композитора Новикова стала любимой моей песней, — сообщил Такаси Иосида из города Киото. — Песни, которые любят советские люди, всегда трогают японцев. И пусть мы представители разных наций, но сердца, которые волнует хорошая песня, у нас одинаковы».

Подобно тому как церемонно и долго раскланиваются японцы при встрече, столь же церемонно и длинно начинают они свои письма. Но поклонами, способными вызвать уличную пробку, японцы приветствуют только тех, кого хорошо знают и чтут. Повествованием о погоде и выражением заботы о здоровье адресата они открывают письмо, если пишут человеку, который им близок и которого глубоко уважают. И нам, на радио, от таких писем делается приятно.

«В Японии наступили погожие летние дни. Во дворе моего дома растут кусты азалии. Недавно азалия расцвела. У нее очень красивые красные и белые цветы. Хотелось бы показать их работникам Московского радио. Если получится, засушу цветок азалии и пошлю вам в следующем письме». Когда мы стали получать письма вроде этого — оно из префектуры Гифу от Нориаки Суэмацу, — то поняли: Московское радио завоевало признание японских слушателей. Теперь многие письма начинаются так:

«В Японии в разгаре цветение сакуры. Знаете, как нужно любоваться сакурой? Совсем не надо видеть красоту каждого лепестка в отдельности — сакуру следует охватывать взглядом всю целиком! Только тогда чувствуешь ее великолепие! Но еще чудеснее идти под этими цветущими ветвями...» — строки из письма Хироэ Фукусима, живущей в префектуре Окаяма.

«Здравствуйте, сотрудники Московского радио! Вас приветствует Иосихиро Яно из Токио. Как вам живется в летней Москве? В Токио жара с каждым днем становится все ощутимее. Вероятно, в Москве, у Кремля, деревья уже совсем зазеленели? Все ли у вас, на Московском радио, в порядке? В наступающие знойные дни берегите себя».

«В Японии — настоящая зима. Много снегу и в деревне Ивасэ, где я живу. Стоят холодные дни. Если уж в Японии так холодно, то каково должно быть у вас! Берегите, пожалуйста, свое здоровье, не простужайтесь», — пожелала Кэйко Сэкинэ из префектуры Фукусима.

Нет ничего сильнее слова — слова мира, правды, дружбы и участия. С таким словом обращается Московское радио к зарубежным слушателям. И трудно найти более благодарную оценку его деятельности, чем вот такое, например, письмо, присланное из города Нагоя Сэцуко Тати:

«Моей маме предстоит тяжелая операция. Пока все идет хорошо, но у меня к вам просьба: подбодрите маму из Москвы! Мы будем специально слушать вашу передачу. Мы будем ждать...»

...Вечером я битый час уговаривал всемирно известного хореографа показать кипу газетных и журнальных рецензий, присланных импресарио пяти стран, где в минувшем концертном сезоне проходили гастроли Государственного академического ансамбля народного танца СССР. «Нет-нет, это просто неудобно — там одни превосходные степени», — отвечал Игорь Моисеев.

А на следующее утро была репетиция, ее вела балетмейстер-репетитор. Игорь Александрович сидел в сторонке в стареньком потертом кресле, вроде бы и не очень-то следил за происходящим... И все же, когда что-то не ладилось, он вдруг срывался с места. И начинался знаменитый показ, когда наяву творятся «фантазии Моисеева на темы фольклора». Когда он перетанцовывает все и за всех.

А виделись мы накануне юбилея — через месяц, 21 января 1976 года, народному артисту СССР, лауреату Ленинской премии Игорю Моисееву исполнялось 70 лет...

Моисееву посчастливилось открыть новый жанр в искусстве. То, что он создал, выражается формулой «профессиональный жанр сценического народного танца». Если формулу поставить справа, а перед ней знак равенства, то левая половина «уравнения», как говорят математики, «будет иметь вид»: профессиональный балетмейстер + профессиональный танцовщик + профессиональное осмысление фольклора. Поскольку в первых двух слагаемых ничего загадочного нет, остановимся на третьем.

«Мне не хотелось накалывать бабочек...»

Вот что рассказывает сам хореограф:

— Известно, что серьезное нередко начинается «не с того конца». Так было и у меня — увлечение народным танцем началось... с турпоходов. Мой отец был страстным любителем таких путешествий, и с рюкзаком за плечами мы исходили с ним Крым и Кавказ, Сванетию, Хевсуретию и множество других труднодоступных мест. У меня накопилось огромное количество этнографических впечатлений — народный быт, костюмы, празднества, музыка, танцы. Тогда — в начале двадцатых годов — все было, так сказать, первозданно и менее «отравлено» цивилизацией. Как часто бывает, материал потребовал своего воплощения, тем паче что я стал уже профессиональным танцовщиком в балетной труппе Большого театра. Но вот вопрос: КАК воплощать фольклор на сцене?..

Дело в том, что меня не влекли лавры этнографа. Механически переносить народный танец на сцену, по существу, протоколировать его... Мне казалось, это еще не искусство.

Гораздо больше привлекал другой путь. Он в какой-то мере нов для балета, но в искусстве повторялся не однажды — это то, что, скажем, в свое время Пушкин проделал со сказками Арины Родионовны, Глинка и Чайковский — с народными мелодиями. Я называю имена классиков с одной целью: объяснить, что наш путь не нов.

ИГОРЬ МОИСЕЕВ, НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР:

«Находясь за рубежом, остро чувствуешь и еще один — отнюдь не «танцевальный» аспект гастролей: мы представляем не только советское искусство — на нас смотрят и как на советских людей».

ЛИЦО МОСКВЫ.

ТАКИМ ЕГО ВИДЯТ

Григорий **ЦИТРИНЯК**

Собственно, до появления ансамбля существовали — есть и сейчас у нас и за рубежом, — два «способа» обращения с народным танцем. Один из них применяли любители, которые, естественно, не достигали высокого мастерства и потому не могли конкурировать с профессиональным балетом. Другим пользуются в так называемых этнографических ансамблях собиратели, библиотекари фольклора, механически копируя и протоколируя его, «накалывая» танцы, словно бабочек, на булавки. А мне не хотелось «накалывать бабочек», и я много за это натерпелся — порой меня упрекали даже за то, что в местности, откуда, как думали этнографы, взят танец, носят «не те костюмы» или «не так пришивают пуговицы».

Но я никогда не хотел механически копировать фольклор. Я мечтал быть не фотографом, а творческим интерпретатором. Развивать, обогащать, динамизировать фольклор, вооружая всем арсеналом профессиональных средств: режиссурой, художественным оформлением, балетмейстерской выдумкой, композицией, виртуозностью артистов, имеющих школу танца. Вот тот путь,

которым шел ансамбль. Совершенно неожиданно он оказался прорывом в иное качество — был создан новый жанр, потому что до нашего опыта профессионального искусства народного танца не существовало.

Что же касается практической организации ансамбля, то случилось это в 1937 году...

— А спустя восемь лет ансамбль впервые отправился на гастроли за рубеж?

— В феврале 1945 года еще шла война. Мы приехали в Финляндию, бывшую до недавнего времени союзником гитлеровской Германии. Нельзя сказать, что сразу же нас встретили цветы и овации... Я помню, в первых рядах кое-кто сидел, скрестив руки на груди: таким способом они хотели дать понять, что аплодировать не станут. Но после нескольких танцев первые ряды вместе со всем залом кричали «бис!». А чуть позже в специальных альбомах, разложенных на столиках в фойе, появились сотни зрительских отзывов, вот один из них: «Теперь мы понимаем, почему вы победили». Эти альбомы мы храним до сих пор.

«Второй аспект» гастролей

— Я познакомился со статистикой: за последние тридцать лет ансамбль побывал в 52 странах, причем во многих — не однажды. Могли бы вы сравнить первые и последние по времени впечатления?

— Ну, вначале нам приходилось заниматься довольно грустной миссией: доказывать, что мы не варвары, какими нас представляло огромное число западных изданий. Достаточно напомнить, что в США мы впервые приехали в 1958 году — война кончилась тринадцать лет назад, многое, казалось бы, о Советском Союзе стало известно. И все же на первой пресс-конференции мне задавали вопросы такого рода: «Разрешают ли в СССР женщинам носить серьги и обручальные кольца?» Или: «Мы видели сегодня ваших танцоров в ресторане. Неужели в Советском Союзе тоже едят ложками и вилками?» Эти вопросы задавались не из желания, так сказать, сострить — просто из-за полного незнания условий жизни в нашей стране. А наутро после первого выступления, говоря расхожей фразой, мы проснулись знаменитыми: все ведущие органы печати США поместили восторженно-изумленные отчеты о нашем концерте и множество фотографий. С тех пор нас принимают как друзей и систематически приглашают — в Соединенных Штатах мы гастролировали уже шесть раз.

Общеизвестно, что искусство всегда за что-то голосует, что-то отстаивает, против чего-то восстает. В этом смысле пропагандистский характер его очевиден. Другой вопрос — доходит ли до зрителя и слушателя такая «пропаганда искусством»? Я считаю, обязательно доходит, если публика видит искусство высокого класса, поскольку только высокохудожественные явления искусства заразительны. И они, что необыкновенно важно, дают весьма определенное представление о целом народе. Правда, сценической площадкой тут дело не ограничивается.

Находясь за рубежом, остро чувствуешь и еще один — отнюдь не «танцевальный» аспект гастролей: мы представляем не только советское искусство — на нас смотрят и как на советских людей. Скажем, в Испании гигантский успех, выпавший на долю ансамбля, можно смело приписать не только коллективу, имеющему имя и определенную устоявшуюся репутацию, но и нам как представителям великой страны, на которую с любовью и надеждой смотрят простые люди Испании. Поверьте, мы чувствовали это на каждом шагу.

И кстати, в первый наш приезд в США американцев интересовало не только искусство: для них мы были советскими людьми, которых очень многие никогда прежде не видели, о которых почти ничего не знали. Ажиотаж в связи с приездом ансамбля оказался огромным. Везде и всюду нас сопровождал плотный эскорт корреспондентов и фоторепортеров, описывавших и снимавших буквально каждый наш шаг.

К слову, именно этот «второй аспект» заставляет нас каждый раз готовиться к гастролям, не только репетируя номера программы. У нас есть традиция: перед поездкой в ту или иную страну артисты читают книги о ней, делают специальные доклады по истории, физической географии, экономике, литературе, культуре данной страны. И так далее.

В результате артисты ансамбля очень часто знают о стране, куда приехали, гораздо больше, чем местная публика — о Советском Союзе. Но ведь и это — «лицо Москвы». Согласитесь и с тем, что такая традиция подготовки к гастролям значительно углубляет и расширяет впечатления от поездки, делает их «не только танцевальными».

— Соглашаюсь. А каковы, если уж мы о том заговорили, «нетанцевальные» впечатления?

— В качестве примера возьмем ту же Испанию. В 1966 году мы были первым советским коллективом, гастролировавшим там, спустя семь лет ансамбль приехал второй раз, и перемены заметны невооруженным глазом: Испания превратилась в страну массового туризма, и большая часть населения занята обслуживанием многомиллионного потока людей со всех концов света. Все напоминает, простите за сравнение, индустриализированное животноводство, где каждый на конвейере получает свою порцию сервиса и свою дозу удовольствий. Автокормушки и автопоилки...

— И автодоилки?

— Бесспорно, потому что все делается ради выкачивания денег из туристов. Допустим, бой быков — сейчас во многих местах он превратился в очередное «мероприятие» на конвейере удовольствий. Даже «качество тореадоров», если можно так выразиться, совсем не на прежнем уровне, чем возмущаются уже и сами испанцы.

То же происходит и с танцами. Ловкие дельцы давно поняли, что миллионы туристов из-за своей неосведомленности с восторгом примут любой эрзац за подлинное искусство. Они будут аплодировать тому, что у специалистов вызывает почти что отвращение своей вульгарностью, отсутствием подлинного мастерства и вкуса, явной спекулятивностью. И сейчас в гигантском числе таверн танцуют просто плохо — даже сравнительно с первым нашим приездом, когда все представало в значительно более, я бы сказал, девственном виде. Да и не мудрено: конвейер туризма работает 24 часа в сутки, а хороших танцоров не так уж много. Лишь в немногих местах можно увидеть подлинных мастеров народного танца.

— Ансамбль только что вернулся из Японии?

— Да, а впервые мы приезжали туда шестнадцать лет назад. Тогда японцы считали народный танец любительским искусством, не имеющим права на профессиональную сцену. Поэтому было интересно узнать, удалось ли нам после первых гастролей привить вкус к нашему жанру и завоевать публику. Так вот, на другой же день после первого концерта в Москву была отправлена телеграмма с просьбой через год повторить выступления ансамбля в Японии. Весь месяц принимали нас очень горячо... А два дня назад в Москву приехала большая группа японцев во главе с мультимиллионершей госпожой Оя: они пригласили ансамбль выступить на специально устраиваемом «русском фестивале»...

«А «Партизаны» будут?»

— Как вы составляете программы концертов?

— Разрешите начать издалека. Народ извлекает свое искусство — хореографическое в том числе — из недр пережитого, из своей истории, быта, обрядов, своего национального характера. Иначе говоря, народ создает автопортрет. Это искусство предельно конкретно, правдиво, жизненно, оно выражает мысли народа, его чаяния, чувства, его характер, в нем возникает зримый образ народа. Вот образ народа нам и хочется донести со сцены до зрителя. Конкретный пример: танец «Партизаны».

Мне трудно описать точно, как он возник. Такого танца я, конечно, не видел никогда — это образ, который подтолкнула фантазия. Когда?.. Возможно, во время Великой Отечественной войны, когда слушали сводки Совинформбюро, когда читали о героизме наших разведчиков... Все это нашло свое конкретное выражение в номере. Мы стремились дать собирательный образ представителей разных народов страны, которые все вместе создали бы портрет советского партизана, советского человека, отстаивающего свободу и независимость нашей Родины.

Помню, собираясь показать «Партизан» в капиталистических странах, я опасался, что тема номера может вызвать разного рода осложнения, запреты официальных инстанций и прочее. Но публика очень тепло приняла танец. Сейчас без него никуда нельзя ехать — от Испании до Америки. Нет такой страны, где бы не спрашивали: «А «Партизаны» будут?»

Вот еще пример воссоздания зримого образа России прошлого — цикл жанровых сцен, где представлены танцы,

ушедшие из сегодняшнего быта, танцы, обрисовывающие персонажи, ныне уже не существующие, но в высшей степени типичные для исторического прошлого нашего народа. Отсюда весь мир мастеровых, пригородных рабочих, купцов...

Допустим, совершенно в чеховском духе «Полька-красотка с фигурами и комплиментами», где проходят парикмахер, купчик, школьный учитель, какие-то кисейные барышни — «разноцветные девицы», как говорил Чехов.

Или «Подмосковная лирика», показ той церемонности, с которой мастеровой ухаживает за фабричной девушкой. Весь церемониал, включающий и элемент соревнования, элемент, я бы сказал, «флиртового единоборства», ныне отображающий нравы ушедшие, нашел выражение в танце... Или «Старинная городская кадриль», где те же образы...

Я сказал, что «совершенно в чеховском духе «Полька-красотка», не случайно: у Чехова поразительная образность. Когда вы читаете его, то видите перед собой живых людей в очень ясных, четких жизненных ситуациях. И они очень пластичны, эти образы.

Естественно, что ни Чехов, ни, скажем, Островский не думали о своих персонажах как о «танцующих героях», но опыт и специфика жанра научили нас, как через поведение, пластику, танцевальное действие выражать характеры и образы тех или иных людей. Мы считаем, что хореограф может «прочитать» классика и рассказать о прочитанном своим языком.

Вообще же в репертуаре ансамбля больше 300 номеров, так что есть из чего выбрать. Мы любим менять программы и стараемся не показывать прежние танцы, вторично приезжая в ту же страну. Но часто мы оказываемся людьми «подневольными»: зрители — а за ними и импресарио — не разрешают исключать из показа какие-то номера — тех же «Партизан», наши русские танцы, молдавский «Жок».

— Кстати, я видел «Жок» в молдавских селах, а созданную вами «Бульбу» — в белорусских; танцы исполняют в том же рисунке, ритме и так далее, хотя, естественно, нет виртуозности, присущей профессионалам. Видимо, здесь вы отступили от своего правила не протоколировать фольклор, поскольку танец показался очень красивым?

— Вы сделали огромный комплимент ансамблю: дело в том, что таких танцев не существовало, мы их выдумали; многие просто не знают, что они поставлены профессиональным балетмейстером и профессиональным коллективом. Однако, хотя народного танца, скажем, «Бульба» не было, существовала широко известная песня под таким же названием («бульба» — по-белорусски «картофель»), которая вызвала у меня желание «перевести» ее на язык танца, что я и сделал еще перед войной. Поскольку тема органически народная, народ так легко принял танец — как свою традиционную «песенную идею», на сей раз выраженную пластически. Я и сам видел, как в белорусских деревнях танцуют «Бульбу»... Я мог бы рассказать вам сходные вещи о молдавском танце «Чиокерлия» (в переводе с молдавского — «Жаворонок») из сюиты «Жок», тоже никогда не существовавшем в фольклоре в виде танца.

«Консультант по возрождению итальянских народных танцев»

— Несколько лет назад, когда ваш ансамбль гастролировал в Италии, итальянские газеты писали, что понадобился приезд моисеевцев, чтобы Италия стала танцевать тарантеллу по-итальянски. Что имелось в виду?

— «Сицилианская тарантелла», поставленная мной. Здесь интересная история.

В экономике Италии огромную роль играет туризм, ежегодно приносящий стране сотни миллионов долларов; но одно время доходы от него начали неуклонно снижаться. Когда стали думать, чем можно привлечь гостей, вспомнили среди прочего и о народных танцах. Однако во всей стране не нашлось хореографа, который бы хорошо знал и помнил итальянские танцы. Народные — о них речь. И тогда обратились за помощью в Советский Союз, в Ансамбль народного танца...

— Разве вы знаток итальянского фольклора?

— Нет, конечно, и я честно это сказал. На что мне ответили: «Мы живем в такое время, когда в чистом виде фольклор почти не бытует, поэтому и приходится проделывать работу палеонтологов, которые по одной кости восстанавливают весь скелет доисторического животного. Такой опыт у вас есть...» В результате я был приглашен в качестве «консультанта по возрождению итальянских народных танцев», побывал в Италии одиннадцать раз и забирался в самые глухие «фольклорные уголки». Теперь могу сказать, что знаю страну неплохо... А итогом явилась «Сицилианская тарантелла», очень тепло встреченная итальянской публикой. Тогда газеты и писали то, что вам запомнилось.

— Видимо, и венгерского «Понтозоу» — в том виде, в каком он исполняется ансамблем, — тоже раньше не было?

— Его не было, хотя этот танец не выдуман. Он действительно бытует в Венгрии и, как многие народные танцы, имеет свои локальные черты — на профессиональном языке это означает, что в каждой местности его исполняют по-своему. Но в фольклоре его часто танцуют несколько огрубленно, нам же хотелось взять из фольклора все наиболее «возвышенные элементы», придать «Понтозоу» какой-то рыцарский оттенок, найдя «танцевальный эквивалент» определенной черте характера народа. Короче говоря, создать танец, который символизировал бы не какую-то отдельную часть страны, а явился бы обобщенной характеристикой народа Венгрии. То есть опять-таки речь идет о создании в танце образа народа, на этот раз венгерского.

— Мне говорили, что пришло письмо: весной этого года исполняется 25 лет со дня организации Венгерского ансамбля народного танца...

— Да, и меня пригласили принять участие в торжествах С Венгерским ансамблем нас связывает давняя творческая дружба — достаточно сказать, что дебют его состоялся в концерте, где мы «разделили вечер пополам»: в одном отделении выступали мы, в другом — венгры... Но это ведь не единственный пример.

Наш коллектив, если хотите, явился примером и эталоном: во всех социалистических странах после наших гастролей в 1945—1946 годах стали возникать ансамбли народного танца. Больше того, мне приходилось консультировать всех этих «новорожденных» — рассказывать, объяснять, а иногда просто показывать. К тому же руководители таких коллективов стажировались в нашем ансамбле. Скажем, из Корейской Народно-Демократической Республики на два года приезжала к нам знаменитая танцовщица Ан Сон Хи, руководители болгарских коллективов, чешского... А в общем, о том, что мы делаем, сказано в Хельсинкском документе — там, где речь идет о сотрудничестве деятелей культуры разных стран. Цель там сформулирована так: взаимное обогащение «соответствующих культур при уважении самобытности каждой». По-моему, верно сформулирована. Ее мы, собственно, всегда имели в виду во всей нашей работе.

...Когда мы уже прощались, я вспомнил «Сицилианскую тарантеллу» и спросил: «Откуда вы так хорошо знаете «подтекст» приглашения?» — «У меня был блестящий консультант...» — улыбнулся Моисеев и перевел разговор на другую тему. Но позже я все-таки узнал, что «блестящим консультантом» явился тогдашний Генеральный секретарь Итальянской компартии — это Пальмиро Тольятти назвал имя выдающегося советского хореографа, когда речь зашла о возрождении народного танца Италии...

Обычно, когда просишь рассказать о том, каковы впечатления от приема ансамбля за рубежом, балетмейстер, улыбаясь, бросает: «Что рассказывать? Впечатления очень монотонны...» И вправь...

Вот фраза, впервые написанная в рецензии на выступление ансамбля три десятилетия назад и с тех пор повторенная десятки раз: «После концерта у меня осталось впечатление, что я в один вечер совершил путешествие по всем республикам Советского Союза».

Вот надпись на специальной медали, выбитой восторженными французами совсем недавно: «В честь триумфа «Половецких плясок» Ансамбля Моисеева в Париже».

Таких примеров множество.

Действительно, «впечатления очень монотонны»: за три десятка лет, что ансамбль представляет за границей советское искусство, не было ни одной отрицательной рецензии. Его восторженно принимают все — от поэта Луи Арагона — это по его инициативе «академический театр народного танца» когда-то впервые пригласили во Францию — до скандально известного художника Сальвадора Дали, который горячо возмущался тем, что в Барселоне на выступление ансамбля вместе с ним не пустили ручную пантеру (ее пришлось отправить домой), но восторженно принял все танцы, а после концерта даже закатил банкет в честь Игоря Моисеева, кавалера одиннадцати иностранных орденов...

НИКОЛАЙ ШЕРШИКОВ, СЕКРЕТАРЬ КОЛХОЗНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ:

«Вроде бы и незаметно — каждый день рядом, многое делаем вместе, и получается — свои люди».

СВОИ СРЕДИ СВОИХ

Ю. ЛЕКСИН
Фото В. Орлова

В своем интервью «Правде» министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР Б. Е. Щербина назвал газопровод Оренбург — Западная граница «своеобразным энергетическим мостом». Мост этот огромен. Строителям его предстоит пройти 2750 километров по трем нашим республикам — РСФСР, Казахской, Украинской; им надо «поднырнуть» под 168 (сто шестьдесят восемь!) водных преград — в том числе под Волгу, Дон, Днепр; одних только грузов необходимо доставить на стройку 11 миллионов тонн. И вот когда все это будет сделано, наш газ пойдет в Болгарию и Венгрию, в Польшу и Румынию, в ГДР и Чехословакию.

Наверное, просто невозможно проехать по всему этому грандиозному мосту. Невозможно в том простом человеческом смысле, что нельзя увидеть каждого из многих тысяч его строителей — это заняло бы куда больше времени, чем понадобится самим рабочим, чтобы завершить свое дело. Но мне довелось побывать на всех его участках, и одним из итогов этих поездок было бы утверждение, что молодые строители из социалистических стран строят не только необходимый всем газопровод, но и свои, небывалые еще отношения друг с другом и с людьми, среди которых они живут и работают.

«Мы хотели бы приехать и сразу быть своими среди своих». Это говорил один из поляков, который еще только собирался ехать к нам в страну на строительство газопровода. Теперь уже можно сказать, что это им удалось. И не только им, но и строителям из ГДР и Венгрии, из Чехословакии и Болгарии. Где бы они ни строили — в горах Карпат или в степи под Ростовом, недалеко от Волгограда или в Черкассах, — везде и сразу вместе с делом выстраивались между людьми такие отношения дружелюбия и взаимопомощи, которые позволяли им счастливо забывать о том, что они далеко от своей родины, и так же счастливо чувствовать себя, как дома. Они действительно становились своими среди своих, то есть могли работать и работают сейчас спокойно и хорошо, как работали бы у себя. И этот очередной наш материал с газопровода Оренбург — Западная граница еще один нелишний раз показывает, как дороги всем эти отношения дружелюбия и человечности, как рождается в этих отношениях то, что потом не будет забыто, потому что все хорошее и доброе, полученное таким огромным количеством людей — к тому же в молодости, — надо думать, останется с ними навсегда.

В проекте ЦК КПСС к XXV съезду об этом газопроводе сказано всего одной строкой: «Построить с участием стран — членов СЭВ газопровод к Западной границе СССР». И он будет построен. Как сказал один словацкий бригадир: «День и ночь будем работать, если нужно, а сдадим все, как у вас говорят, под ключ и в срок».

Коля и все словаки

Николая в деревне зовут Колей. (На фотографии он слева: курносый, воротник на ветру загнулся.) По профессии он ветеринар и год уже комсомольский секретарь в колхозе.

Когда приехали иностранцы, то в первое время, естественно, никого никак не называли. Потом пригляделись — и Николай стал для них тоже Колей. Теперь уж надолго, на три года, пока не будет построена компрессорная станция, пока все не будет закончено, пока не пойдет в Чехословакию оренбургский газ. Да и потом, наверное, если будут писать друг другу, то в письмах — «в первых строках» — так и будут писать: «Здравствуй, Коля! Привет из Чехословакии...»

Встретились мы с ним сразу, как я приехал, и пошли по иностранному поселку. Поселок невдалеке от деревни, на бугре. Коля подходил к работающим — те строгали, рыли черную здешнюю землю, не переставая, кстати, до сих пор удивляться, до чего ж она хороша, строили жилье для тех, кто приедет позже, то есть делали дело. Но фотограф наш, как это обычно случается с фотографами, был недоволен: и стоят не так, и делают не то — не для «кадра», даже одеты и то как-то слишком одинаково. Коля же будто этого и не слышал. Он здоровался — не как подошедший посмотреть или сфотографировать, просто здоровался, и они отвечали ему тем же, в той же простоте, и сразу видно было, что он для них свой и они для него свои. Потом они переглядывались, и Коля снисходительно смотрел — чуть, правда, тайком: чего бы это еще хотел фотограф, и удивлялся, как это можно еще чего-то искать, как-то вертеть этих близких ему людей, когда вот же оно все — работают люди, и ничего другого просто нет, да и не надо от них требовать ничего другого, никаких других поз, которые почему-то вдруг выгодней этих.

Уже действительно казалось, что Коля знал этих людей всегда и о них все знал всегда, хотя было это не так, и сам же Коля лучше и стеснительней всех об этом и рассказывал.

— Что ты знал о них, Коля? — спросил я. И может быть, слишком прямо. — Вот до того, как они приехали... О них, об их стране?

Прямо скажем, человек, приходящий во время работы, для хорошего работника не в радость. Но для Коли словаки, похоже, делают исключение.

— А что из школы только да из газет, — ответил Коля.

Потом к ним в деревню приехали из района, рассказали, как будет выглядеть стройка, что такое наш газ для Чехословакии. Потом в годовщину Словацкого восстания у братской могилы в селе был общий митинг, и словак рассказал об этом восстании.

Собрались именно у могилы, потому что каждый — и словаки, и наши — поминал своих, но погибших за одно, в одной войне, так что получилось — поминали всех: словаки—наших, наши—словаков. Как ни огромна страна, но и в этой деревне нашлись люди, освобождавшие Чехословакию. Об одном таком рассказывал Павел — комсомольский секретарь словаков. Пошел как-то к здешнему деревенскому врачу в медпункт, там разговорились, и оказалось, что врач — женщина — не то что воевала в Чехословакии, а прямо-таки была в том городе, откуда родом Павел. А он думал, что его городок такой кро-

шечный, что вряд ли его кто знает. «Совсем неожиданная радость была»,— говорил Павел.

— А кто похоронен у вас там, в братской? — спросил я Колю.

— А кто погиб из села в войне, — ответил он. — Там больше написано, чем лежит. Везде ведь так. Кто помер — всем известно, а где, как... Может, наши, деревенские, и там лежат, у них. Кто знает.

Словаки приехали в июле, и Коля давно уже перезнакомился со всеми ими и узнал самое главное. Для него важно было узнать это от самих людей, «не из школы» — у них. «В принципе у них такие же колхозы, как у нас». Вот что ему надо было узнать.

— Как придут в правление, — говорил Коля, — спрашивают сразу, как дела в колхозе, как план. Очень их это интересует. Всегда.

— И как план?

— Выполнили уже, — говорит Коля. — По мясу выполнили, по молоку, по шерсти...

Оказалось, словаки тоже не только спрашивали о делах.

— Подсолнечник вывозили, — рассказывал Коля. — Своими «татрами». Камень на дорогу возили... Потом плотину на пруду тоже делали. Вроде бы и незаметно — каждый день рядом, многое делаем вместе, и получается — свои люди.

— А вы для них, Коля? Ясные совсем были?

— Нет, конечно.

— А что для них было неясным?

— Да как скажешь точно. Их много — у каждого свое.

— А все-таки?

— Да дело не в том, сколько знать друг о друге. Можно и знать все, а жить плохо, а можно мало знать — и хорошо все.

— От чего же зависит, Коля? Хоть у вас? У всех? Раз уж так разговор пошел...

— От дела. От желания.

После этого я долго не знал, о чем спросить его. Спросил о самом простом:

— А они что берут у вас? Чего-нибудь и им нужно?

— А как же. Молоко берут, яйца в колхозе. У них вообще-то снабжение свое, от самих себя. Но это берут.

— И нравится? Молоко?

— Не нравилось бы, не брали.

Я даже не заметил, как стал тем же фотографом. Мне хотелось все так же быстро и сразу узнать. Узнать все то, что, в сущности, невозможно рассказать. А Коля защищался, защищая их и себя. Он не хотел ничего «сразу». «Вот приехали бы, пожили как следует, — сказал, — и все увидели бы».

Нельзя в деревне быть случайным и получить все, что хочешь, потому что в деревне нельзя быть никем. Я получил кусочки — крошечные, я волен был думать о них, как хотел, как мог, волен был складывать из них, что складывалось, что хотелось. Больше того, я чувствовал, что происходит что-то хорошее, очень дорогое для всех живущих здесь, но мне позволялось это лишь слегка понять — насколько смогу. Меня не пускали внутрь, не пускали как случайного: поймешь — хорошо, не поймешь — твое дело. Это не словаки были у них гостями, это я был гостем. Мне и говорили: поживи у нас, если хочешь. Живи, как мы. Мы же живем хорошо и тебе уже все сказали. Но не пытайся вертеть нас, иначе ничего не получится. Коля стоял твердо, как перед фотографом. Он стеснялся своих чувств, защищая себя и своих словаков, всех до одного, одним и тем же прекрасным способом: не позволяя их вертеть, ставить в позы и демонстрировать что-то, потому что они жили тут, жили вместе и давно, жили, как старались, хорошо: они играли друг с другом в футбол, ходили в степь, строили к деревне дорогу, строили ее в черной земле, которая сейчас, осенью, казалась только грязью — глубокой и непроходимой. Они помогали друг другу в чем только возможно было помогать, пили одно молоко, говорили, наконец, совсем уже о другом — совсем не о том, о чем говорили вначале, и не хотели, не желали возвращаться к этому началу только для того, чтобы быть понятными еще для кого-то случайного, лишнего, предложив единственный и, по их мнению, очень добрый вариант: поживи с нами — и ты все поймешь. Можно было огорчаться, но Коля не уставал настаивать на этом и, наверное, был прав.

В Сохрановке — Чертковского района Ростовской области — словаки не уходят из гостей по-английски. Здесь в ходу долгое прощание, потому что оно устраивает и гостей и хозяев. Вот как на этом снимке, в доме Владимира.

Владимир и его словаки

— Так, — сказал Владимир.

Он стоял в дверях комнаты, широко расставив ноги, и глядел на пустой стол. Только скатерть и пепельница — больше ничего.

— Жены нет, — начал он. — В школе. Ребенок в яслях. Теперь что есть... Есть курица. Целая. Вареная. Есть чай. Есть еще кое-что. Что будем делать?

Ответ ему нужен был сразу и точный, никаких двусмысленностей он не признавал. И главное, словаки — его гости — это уже знали. Решили, что сначала развлечения, потом «кое-что».

— Выходит, сначала альбом, — сказал Владимир.

Так получилось, что эти два снимка разделят между собой настойчивое гостеприимство Владимира. И это хорошо видно. Владимир на снимках тоже есть, и везде в центре. Это не подделка, не постановочные, как говорят фотографы, кадры, просто так оно есть и так должно быть — такой он человек.

Он служил на подводной лодке в Заполярье. Тамошние его фотографии все и держат в руках... На одной Владимир на пирсе — полуголый, приземистый, очень белый, с великолепной силы грудью. «Гирей занимался, — улыбается он, глядя на самого себя в Заполярье. — Как хотел жал. Тогда... Ух и молод был! Теперь не знаю, толкну ли». Но пиджак ему до сих пор тесен, его легко представить таким же, каким он был, и поэтому никто ему не верит, что он сейчас не такой, особенно Павел. Он и посмеивается над ним больше других. Может, еще и потому, что из словаков он и есть его лучший знакомый.

Вообще Владимир первый, мимо которого, едва приехав, словаки не могли в деревне пройти не познакомившись. Было это на пруду. Владимир ловил карпов, а те пришли купаться. Чужое рыбацкое счастье всегда притягивает. Словаки смотрели раскрыв рты. Пруд и впрямь был удивительный. Говорили, что в нем водятся карпы по пятнадцать килограммов, но Владимир, говоривший всегда очень точно, пусть даже в ущерб себе, уточнил и сейчас: «Двенадцать килограммов. Был такой. Поймали его. Это самый большой».

Для словаков эта рыбалка закончилась в школе, где они тогда еще жили: Владимир дал им семь карпов. Их было только четверо, и они жарили их в масле. Это были не очень большие карпы. «Это было божественно», — сказал Павел. Другие промолчали. К сожалению, они тогда еще жили дома, на родине.

Сейчас за столом не было еще од-

ного словака — того, который вместе с Павлом видел этот стол совсем другим. Но Павел никак не мог забыть тот стол. Он разводил руками и никак не мог найти слов, хотя по-русски говорил совсем неплохо. Он никак не мог сказать, что же это такое творилось здесь всего три дня назад, когда Владимир отмечал день рождения дочки — ровно год.

— Чего тут только не было, — сказал наконец. И показал руками что-то необычайное.

— Да ладно тебе, — смутился Владимир.

После этого Павел уже не мог не говорить.

— Нет, правда... У нас так не отмечают. Только свадьба так бывает. А этот зазвал нас... А тут чего только нет... У нас соберутся так, самые близкие, по рюмке, конечно, выпьют, поговорят. А тут. Я плясал вон там, на кухне.

— Да ладно уж, — уговаривал его Владимир.

— Что ладно? — не унимался Павел. — Все отплясывали... Не видел еще такой радости. Ей-богу!

— Я ничего этого не видел, — сказал Владимир. — Я по хозяйству вертелся.

И все засмеялись. У них с Павлом уже был свой тон разговора, и все прекрасно понимали, что он принадлежит только им.

Владимир жил в деревне, но деревенским, по сути, не был. Даже из живности держали только кур. Сам он работал инженером по технике безопасности, жена — учительницей. По переменке — утром и вечером — бегали с дочкой в садик и из садика. Владимир хотел учиться дальше, собирался поступать на «подкурсы», как он сам говорил, чтобы потом попасть в институт. Но не скрывал даже сейчас, за столом, что трудно будет — и ребенок, и шесть лет. «А я уж не мальчик», — говорил. И все стали уговаривать его. Я все слушал.

У Володи со словаками уже не было тех вялых и часто ни к чему не приводящих разговоров, которые всегда преследуют иностранцев: «А у вас как это?» — «А у вас?» Словно и не говорят друг с другом, а наводят справки. Уже миновали они и другое: выяснение, какой ты, кто ты и в какой мере можно довериться тебе. У них оставалось теперь... Вот тут-то и важно было, что же оставалось, когда все вроде бы друг в друге ясно.

Кажется, у них осталось все.

Сейчас гости вспоминали, как непросто им самим досталось ученье, потому что ничем другим и нельзя подкрепить человека, как признанием своей похожести на него. И выходило, что поступать Владимиру просто необходимо, выходило как-то, что другого выхода и нет совсем. И Владимир, слушая их, только и говорил: «Да ладно, ребята. Ладно уж вам».

Людмила и Ян

В деревне мы жили у старика со старухой. В доме их все было завешано рушниками: рушники над портретами — все с распорками, чтобы концы не обвисали плетями; рушник над зеркалом; даже над печкой, кажется, висел рушник. Все с небогатой вышивкой, но чистые безукоризненно. Михайловна, хозяйка, жила со своим «старым» еще в летней домушке, но в зимнем доме уже два утра топила, собираясь скоро переселяться туда. Еще в доме было огромное множество портретов — всё дети и хозяева. Не было, правда, одного портрета, где бы был старик, снятый в Чехословакии в войну.

— Не всех фотографировали, — объяснил хозяин, не удручаясь, — героев только.

Вечером Михайловна принесла к столу закваски — попросту ряженки. Пришел и «старый», стал рассказывать, как еще по войне помнит венгров и тех же словаков. Про этих же, которые сейчас жили в деревне, сказал:

— Не новость они мне. Люди как люди. И там такие же были. Тогда.

Он не удивился, если бы приехали любые другие. Одному удивлялся: тому, что и тогда они были молоды и здесь опять такие же. Словно они были те же, а вот он постарел. Заговорили о том, что сейчас в деревне и что будет.

— В селе, — поправил старик. — Оно одно и то же. Но мы селом зовем.

Компрессорную, когда построят, говорил старик, надо будет обслуживать — там человек триста должно работать, значит, кто-то из села тоже там будет (я подумал: вот Владимир, наверно, там и будет работать). Школа станет не восьмилетней, как сейчас, а полной — прибавятся работники, значит, и дети. Но главное, построят хорошую дорогу, и очень скоро. О дороге разговор был особый, потому что по нынешней проселочной, идущей к Черткову, осенью, как говорил наш шофер, не всегда мог пролезть и «газик» с двумя ведущими. Село лежало в самой глубине района, и если уж о Черткове Ростовской области мало кто знал, то про село Сохрановку мало кто слышал в самой области.

Вернулись в разговоре к иностранцам, и опять старик сказал: «Люди — люди и есть, обыкновенные. Поют хорошо».

Оказывается, в селе давно уже был общий хор — из словаков и местных, давали концерты, и старики не пропустили ни одного.

Вечером я пошел рассчитываться с хозяевами за жилье. В летнем домике были оба. Старик стоял, прислонившись к печке, а Михайловна перед ним одевалась. Собирались на концерт в клуб — из Черткова приехала самодеятельность.

— Когда же концерт? — спросил я.

— В восемь, — отвечала Михайловна.

Времени было шесть часов, и Михайловна смутилась, что так рано начала наряжаться. «Иностранцы все же кругом», — сказала. И еще больше смутилась.

Простившись, уже насовсем, я вышел. Мы тоже собирались в клуб, но не на концерт. Еще вчера, узнав от стариков, как хорошо поют словаки, мы

пристали к Павлу: хорошо бы послушать. Но оказалось, что это невозможно. Восемнадцать человек — и надо ж, как раз из хора — уехали домой в отпуск (каждые три месяца они уезжали домой чуть больше чем на две недели, накапливая это время сверхурочными). Павел чистосердечно складывал оставшихся и так и сяк, но ничего не получалось. Хор не строительная бригада, где при нужде каждый может работать за двоих. Петь, сказал Павел, можно только за себя за одного, и если нет хора, то лучше не петь.

— А все-таки приходите в семь. В клуб, — сказал.

Мы вышли. Было темно. Дом Михайловны с погашенными окнами растаял за спиной сразу же. Дорога была грязна. Дожди и машины расплескали жирную землю, и можно было только сожалеть, что та дорога — асфальтовая — еще не построена.

Темень стояла кромешная — ни звезд, ни степи вокруг. Трудно представить было все это летом, с теплом, с цикадами. Словаки иногда жаловались: не было тут их гор, лесов. Те мелкие лесочки, что виднелись днем почти во все стороны, лесами им не казались. А им без устали рассказывали, что это все-таки леса, говорили, что там и лисы, и лоси, и зайцы, даже волки есть, но поверить в это было невозможно.

У клуба же было светло. Его только что отремонтировали, и завклубом Шлыков с удовольствием говорил, как помогали в ремонте словаки. Получалось, что все делалось вместе, уже никто и не помнил, что делали словаки, а что наши. То есть, внимательно подумав, могли разделить, но в том-то и дело, что никто, в том числе и Шлыков, не хотел разделять, потому что и не нужно это было. Об одном он сожалел — что не может показать хор, и все рассказывал, как в День сельхозработника они «блеснули» со своим концертом, как пели «Катюшу» и еще «эту — знаменитую»: «Словацкая партизанская песня у них есть... «Партизанская ночь».

Склонный к возвышенному слогу, он все повторял:

— Полный триумф, знаете... Полный триумф был. Я вам говорю.

Прошу в зал, — предвкушая что-то неизвестное нам, сказал Шлыков. И исчез. Появился уже со сцены и неожиданно рассказал, как приехали словаки, как он узнал, что им очень нравится аккордеон — «очень они любят играть на нем», а аккордеона у них не было, и тогда в колхозе решили подарить им его: купили и подарили — «приятно было, знаете».

Потом на сцену вышла очень смущенная девушка и за ней столь же смущенный парень. Она была светловолоса, а он черный, кудрявый и очень румяный.

Шлыков стал быстро говорить, что вот это Людмила и Ян. Говорил, что танец этот «не завершен еще», что танец сложный, молдавский, и их нельзя судить строго: «фрагменты, только фрагменты».

Но мы и не могли ничего судить. Смотреть же на Яна с Людмилой было приятно. Взрослые, они стояли на сцене смущенные, как дети, и только ждали, когда же Шлыков кончит шептать нам о них, потому что о них же он шептал.

Улыбки у них пропали одновременно, едва Шлыков включил проигрыватель. Они словно отстранились друг от друга, казалось, забыли, что каждый из них не один, но тут же стало видно, что главная-то из них Людмила. Несколько раз, капризно притопнув, она останавливалась. Ян, еще мгновение не замечавший, что она не танцует, продолжал танец и тут же виновато застывал, забыв даже опустить руки. Из шепота Шлыкова, теперь уже неслышного им, мы все узнавали, кто они: Людмила отвечает за всю самодеятельность, а Ян — электрик, словак, пришел в клуб в первый же день, как приехал.

— Вот опять не получается, — шептал Шлыков в сердцах.

А там между тем все получалось. Людмила уже не сердилась на Яна, они всё кружились, а Ян вообще, кажется, забыл, что он на сцене, и ему было просто хорошо следить вот так за легкой белой Людмилой и невидимо ни для кого слушаться ее. И уже не было никакого сожаления, что мы никогда, наверное, не увидим весь хор, так и уедем.

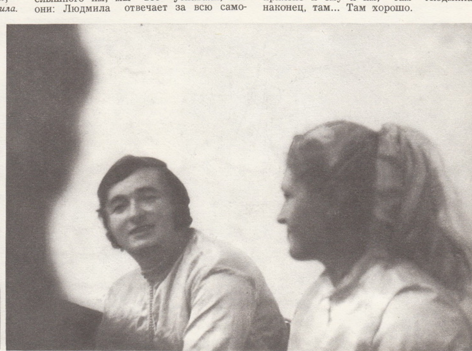
Они же оставались, были дома, и им было хорошо.

В редакции нас ожидало письмо. Писала Татьяна Петелина из камышинской газеты «Ленинское знамя». «Группа чехословацких строителей, — сообщала она, — сооружает в селе Антиповке нашего района компрессорную станцию. Горком ВЛКСМ и комитет комсомола самого крупного промышленного предприятия города — хлопчатобумажного комбината — недавно подписали договор о дружбе и сотрудничестве. Теперь в Камышине действует своя дискотека — общая: чехословацкая и наша».

Значит, и там чехословацкие строители были уже не гостями, и можно было ехать и туда. Чехословацкий участок газопровода был большой. Были на их пути и города, даже немаленькие. Но когда в редакции мы сложили все привезенное, то решили: а хорошо все-таки, что мы поехали в деревню, именно в деревню. Там и людей, и все происходящее с ними видно куда лучше: там невозможно пройти мимо дома Владимира, чтобы он не зазвал в гости, там старая Михайловна надевает вечерами все самое лучшее — «иностранцы же кругом», там Коля, которого знают все, уже может даже молчать со своими словаками так, что это приятно и ему и им, там Людмила, наконец, там... Там хорошо.

Молдавский танец словака Яна и нашей Людмилы скоро увидит вся Сохрановка. Почему именно молдавский? «Трудный, — говорит Ян. — Поэтому».—«Хороший»,— говорит Людмила.

ГЕОРГИЙ РЫЖЕНКОВ, ЛЕСНИЧИЙ:

«Лес ведь — это не просто деревья, лес, он правде и добру учит. А когда знаешь про правду и добро, то во всяком деле суть найти можно».

ОТКРЫТЫЕ КОРДОНЫ РЫЖЕНКОВА

Александр РЫБАКОВ
Фото В. Гиппенрейтера

Отправился я в восточный край Мещеры, в Елатомское лесничество, что на Оке, да чуть было не пришлось повернуть назад. Казалось бы: ну что за расстояние — триста километров? И везет-то тебя туда по шоссе современный мощный «Икарус» — так что такое триста километров? Часов пять-шесть, даже не торопясь, да с остановками... А добирался наш автобус почти сутки. Потому что неверная ноябрьская погода сыпанула за несколько часов до отъезда холодным дождичком пополам со снегом, а потом прошла по мокрой кашице на дороге морозцем, как катком, и наш автобус, еще счастливо помотавшись от одного кювета к другому, стал. Стал, чтобы не испытывать судьбу. Вот и скажите, что дальше — Дальний Восток или Елатьма?

«Леса в Мещере разбойничьи, глухие... Путь в лесах — это километры тишины...» — так писал Константин Паустовский о здешних пущах. А мой путь лежал к знакомому моему, елатомскому лесничему Георгию Дмитриевичу Рыженкову, у которого под началом леса, тянущиеся на тридцать «километров тишины» — действительной тишины, так как нет на всем этом протяжении ни деревеньки, ни леспромхоза.

Вместе со мной добрались и газеты, сразу, пачкой, за несколько дней. «Хорошо, — сказал Георгий Дмитриевич, — лесникам на кордоны отнесем. Я ведь у них зачастую и за почтальона».

Он развернул газету, и взгляд его сразу выхватил коротенькую заметку:

— Ты смотри, Франко умер. Наконец-то! — Он задумался, потом сказал: — Мальчишкой был, а уже Франко, Франко... Так и застряло имя это наравне с Гитлером...

Теперь, думается, к месту рассказать о знакомом моем, лесничем Георгии Дмитриевиче Рыженкове, и о деле его, которому все время свое посвящает, а время это — вся его жизнь. Человек он необычный и в то же время типичный, что ли, для истинных лесничих, людей, влюбленных в лес, живущих в лесу, берегущих лес. Дерево от плодов, а человек от дела познается, говорят в народе. А дела Георгий Дмитриевич делает большие. Взять хотя бы такой пример — лето 1972 года, пожары. Чуть ли не везде горело в то страшное в своей жаркой сухости лето, но не горело в Елатомском лесничестве. Уберегли, отстояли.

«Лес является единственным, открытым для всех источником благодеяний, куда по доброте или коварству природа не навешала своего пудового замка. Она как бы вверяет это сокровище благоразумию человека, чтобы он осуществил здесь тот справедливо-плановый порядок, которого она сама осуществить не может» — так писал в своем романе «Русский лес» Леонид Леонов, и эти слова любит приводить Георгий Дмитриевич. Давняя связь существует между известным писателем и приокским лесничим. С детства любил Рыженков записывать пословицы и поговорки, а когда определился его жизненный выбор, то и влечение сконцентрировалось в определенном направлении — пословицы и поговорки о лесе. И в 1963 году вышла книжка — сборник пословиц и поговорок «Нет милей чудес, чем наш русский лес». Леонид Леонов написал к ней предисловие, отметив, что «Рыженков сделал очень полезное дело, собрав воедино многовековой опыт, любовь и думы нашего народа о лесе, раскиданные по росинке в бесчисленных русских пословицах и поговорках». Надо добавить, что Георгий Дмитриевич не ограничился только русскими пословицами и поговорками, в его книге собраны меткие выражения о лесе многих народов мира, и собрание его можно считать интернациональным.

Мы с Георгием Дмитриевичем направляемся за Оку. Лед не матерый, синь воды подо льдом обманчива — идем медленно, осторожно, а в иных местах, подтреснувших, приходится и ползком.

Наконец вышли на разъезженную, но схваченную морозцем дорогу, что ведет от Оки через заливные луга к лесу. Кусты краснотальника да редкие деревца на возвышенностях слабо оживляли эту заливаемую Окой километра в два подступь к лесу. Начало зимы, ноябрь, пожалуй, самая грустная пора года.

И странно было в таком лесу говорить о делах, вроде далеких и от этих дорог, и от этих деревьев. О делах международных. Но лесничий мой, верно, лесом обученный, находил слова и образы, не нарушавшие гармонии леса и разговора, а, наоборот, как бы легко связавшие одним узлом дела лесные и дела житейские.

— И не говори, времечко... Да только и такие встречи с лесом человеку нужны, ведь нужны ему и печальные раздумья. В природе не вся живность в блаженстве. И птиц навещает печаль — в их песнях иногда улавливаешь грустные нотки. В лесу сильный обижает слабого, а деревья плачут — сколько их, изувеченных, в бору... Человек по незнанию, а то и по злому умыслу губит много лесной живности, наносит травмы деревьям, да и стихия не балует. Может, ты и не поверишь, но я, когда думаю о том, что в мире происходит, частенько лес вспоминаю. Да и жизнь, сам знаешь, не обходила лес вовсе стороной. Вот доводилось мне читать, что во Вьетнаме, когда еще шла война, американцы травили джунгли ядами и химией. Это сколько же погубили леса! И ведь дело не только в самом дереве, что погибло. Дерево иное и устоит, а вот плоды его? В плодах яд! А реки, ручейки лесные, подземные воды — они тоже заражены, надолго заражены. — Он помолчал, как я понял, вспоминая из своего опыта. — Даже когда помочь химией лесу хотим, и то не всегда получается. А тут ведь уничтожали. Лес... это очень бережно... понимаешь? Сколько труда, сколько времени теперь надо им, во Вьетнаме, чтобы восстановить лес!

Мы стоим у корявой, изуродованной молнией березы.

— А все же смотри, Георгий Дмитриевич, все же ожила береза, — говорю я.

— А то как же, — улыбается лесничий. — Сколько ни гни дерево, оно все вверх растет. Так и жизнь — победит любой недуг. Особенно если ей сам человек поможет. Так

вот и во Вьетнаме. Читаю — соединяется народ. Значит, — хитро взглядывает он, — и мы не зря помогали вьетнамцам. А?

— Ты все же мне вот что скажи, Георгий Дмитриевич. Живете вы тут — и лесничие, и лесники, и те, кто на вырубках занят, — что ни говори, замкнуто...

— Ну почему же? Газеты получаем, радио слушаем, да и в город выбираемся.

— Это понятно. И все же с городом или селом большим не сравнишь. Потому я и хотел спросить: не одиноко ли? Не трудно ли поспевать за всем, что в мире творится, да и что все эти события для вас значат?

— Короче, ты хочешь узнать, не стали ли мы здесь робинзонами? Не отшельники ли мы лесные? Ну что ж, узнавай. Только я тебе главное хочу сказать, а главное — это как человек на жизнь смотрит. Его точка зрения. Если есть она у него, тогда и события всякие, и факты самые разные легко в одну тропинку выстраиваются. Лес ведь—это не просто деревья, лес, он правде и добру учит. А когда знаешь про правду и про добро, то во всяком деле суть найти можно. Жил когда-то в лесу один американец, долго жил, книжку написал. Умная книжка. Так есть там такие слова: «Доброта — это единственное одеяние, которое никогда не ветшает». Торо его фамилия, этого американца.

Идем, скрипим снегом. Глухомань. Отсюда знаменитые муромские леса начинаются, а до родины богатыря Ильи Муромца — села Карачарова — рукой подать. Глухомань, чащоба, а поделена на просеки, пробиты в ней просветы, чувствуются добрые руки человеческие — руки лесничих и лесников, лесорубов и трактористов. Современный человек не может законсервировать леса, это было бы противоестественно, граничило бы с преступлением перед лесом. Человек должен брать от леса постоянно, но в меру, не нарушая его основного назначения — водоохранного и хранителя животного мира. И нельзя, конечно, в наш век дымных городов забывать об эстетическом назначении леса, о тех «невесомых полезностях», которые лес щедро дает человеку. И если бы не было той радости в душе человека, что дарит ему природа, то, может, и не думал бы он обо всем огромном нашем мире. Так считает лесничий Рыженков, и он же говорит, развивая эту мысль:

— Вот говорят, стал наш мир теперь индустриальным. Ну правильно. Везде техника, химия. А ведь с развитием химии больше леса требуется — вот в чем парадокс-то заключается. Как в плане объема, так и непосредственно — кора, хвоя, опилки, все в дело идет. От лекарств и корма для скота до прессованных деталей для машины. Вот. Так что мы сильно на следующую пятилетку рассчитываем. Вплотную она нас касается. А ты говоришь — робинзоны...

Семь с половиной часов дневного света на зимний день отпущено, остальное время — темнота и сумерки. Вот и успевай. Конечно, привычка помогает. Тропы и просеки хожение — у каждого дерева, у каждого стога сена свои встречи, своя история. Вот у этого стога на спрятавшегося в сено рылатого кабана чуть не наступил, вот у этого деревца помог малой птахе от ястребиных когтей уйти... Запоминает эти встречи Георгий Дмитриевич и, выкроив свободную минуту, записывает свои наблюдения, свои мысли и чувства. Посылает крохотные свои заметочки в журналы, на радио. Так и сложилась постепенно у него новая книга «Явь лесная».

— К хорошим людям идем, — прерывает мои размышления Георгий Дмитриевич. — Лесники потомственные, всю жизнь на кордоне.

На Романовском кордоне нас встречают лесник Иван Иванович Щербатов, жена его Евдокия Николаевна да местная знаменитость — зверолов Василий Николаевич Корнеев. Подъехал и Федя Егоров, шофер лесничества.

— Хорошо поспели, — радуется хозяин. — Прямо к ухе. Первую рыбку из-подо льда вытащили.

Не кордон, а строительная площадка. Летом геологи пробурили артезианский колодец, Иван Иванович заканчивает оборудование колонки. Стоят несколько свежесрубленных венцов — строится баня. Завозят материал, скоро будут капитально обновлять кордон.

За ухой я все же снова завел разговор о том, долго ли должен лесничий, лесник жить на одном месте. Не надоедает ли однообразие, не приедаются ли дороги? Да и не оторван ли он от мира? Чувствует ли, не забывает о том, что он, мир, рядом? Мнение единодушно: лесник должен быть на одном месте. Говорят ведь, что его работа видна через сто лет. Ну, сто не сто, правда, лиственницы, двадцать лет назад посаженные Рыженковым впервые в Рязанской области, уже поднялись с телеграфные столбы, да с них же и в обхват будут. Но ведь двадцать, не два года. Если лесничий не стремится долго жить на одном месте, то он и рассчитывает и делает уже не дела, а «мероприятия», которые прежде всего идут напоказ. А его ошибки и просчеты приходится исправлять идущим за ним. Долголетняя же работа рождает перспективу — и в лесоработе, и во всех хозяйственных делах, да и вообще в жизни — так считают лесники. Даже такой вот частный вопрос — как поставить новую избу на кордоне, обнести палисадником, посадить деревья — все это в заботу только коренному хозяину.

— Люди спрашивают: кому оставлять будешь? — Иван Иванович широко обводит рукой. Сыновья его в городе работают, обзавелись семьями. — А я говорю — внукам! Ну а если вдруг и они не придут, то люди другие мне за хороший кордон спасибо скажут.

Да, лес требует, чтобы человек всего себя вкладывал: и душу, и время, и тело. Вот, скажем, отпуска. Как лето — так приказ по лесному ведомству: отпуска лесничим в пожароопасный (то есть летний) период запретить! И Георгий Дмитриевич за все годы работы ни разу летом отпуском не пользовался. Да и как поедешь, рассуждает он: пока у моря отдыхаешь, пожары по лесам пройдут, и приедешь ты к черным угольям и пеплу.

— Да и не только лес терпения и настойчивости требует, — улыбается мне лесничий. — Как у нас говорят, и дуги гнут с терпением, а не вдруг. То дуги, а сколько надо твердости, чтобы, как говорится, свою линию гнуть! Вот партия наша с каким терпением и настойчивостью сколько лет отстаивает разрядку. В таком деле, как и в нашем, тоже ведь ни в отпуск, ни на каникулы долгие не уедешь! Зато и результаты какие — всем видны. Когда главы всех государств, в Хельсинки собравшись, заявили, что они все за мирное сосуществование, это же был невиданный раньше факт. И так мы этот факт понимаем, что он и нашего леса касается. Потому что человек великую ответственность за весь мир несет, а значит, и за лес. Вот и получается, значит, что есть теперь гарантия, что лес мой, деревья мои не сгорят как спички в одну минуту... Конечно, Хельсинки не последняя, что ли, ступень согласия. Теперь надо идти дальше, да и стоит ведь идти: разве не полезно было бы посмотреть, как в Скандинавии, как в Германии лесное хозяйство ведут, я много хорошего о них слышал. Хотя не только хорошее. Вот в той же Германии, в ФРГ, этим летом 8 тысяч гектаров леса сгорело! Жалко, никак погасить не могли. Я читал, что пожар этот из космоса даже был виден. Нет, на то она и разрядка, чтобы пользу все получали...

Уже совсем поздно вечером добрались мы до дома Георгия Дмитриевича. Казенная квартира у лесничего, а место все равно сам выбирал. И выбрал такое, чтобы видна была вся зареченская даль, все великое многолесье его. Дом его поставлен крепко, и по вечерам высокая и круглая железная печь посреди дома бросает через дырочки тяги, что просверлены в маленькой печной дверце, красные блики на крашенные желтым широкие доски пола. Огонь гудит уютно, и Георгий Дмитриевич достает тетрадь и заносит то, что увидел и перечувствовал за день. От непривычной дозы лесного воздуха клонит в сон, но, пока он окончательно не закрыл глаза, я снова слышу шорох сосен, скрип снега, вновь вспоминается дом Ивана Ивановича на Романовском кордоне и как сидели на старых, гладких лавках и кряжистых табуретах и не спеша пили чай. И снова вспоминаю, как тыкал пальцем в газету Иван Иванович и, горячась, говорил. Скорая решительность его суждений поначалу вызывала улыбку, но были эти рассуждения удивительно уверенны, для него, видно, привычны, потому что взял он их из своей жизни, а жизни учил все тот же лес. «Хищники-монополии, — бросал Иван Иванович, взглянув в газету. — Это понятно. И деревья-волки есть. Вырвется такое на свет, вытянется, словно из жилы лезет, и раз — раскинуло ветки. А в тени его же братья не растут. Кто ее, тень, любит?»

И вспоминается рассудительный зверолов Василий Николаевич, искусный охотник, пришедший с фронта с искалеченной ногой. Он тоже примерял мир и все в нем происходящее к себе и своему делу. «Очень мне нравится, — мечтательно говорил Василий Николаевич, — когда к нам в страну кто-нибудь приезжает. Вот и американский президент пускай и к нам в Мещеру заедет. На такого кабана или лося выведем — ни в каких Америках не сыщешь. Только, конечно, пусть о лицензии на отстрел похлопочет...» Смеялись мужики, а за смехом их и горя, и правды, и надежды было много. И сердца много, открытого для других людей, для добра.

Чаепитие, известное дело, не собрание; тут говорит каждый свое и о своем, и потому и историй тут было рассказано немало, и случаи из прошлой жизни вспоминали, и забегали мыслями вперед... А запомнилось мне, как недавно пришедший из армии Федя, молодой шофер, все мечтающий о новой технике для лесничества («Мне от разоружения, — весело говорил он, — первому бы выгода была. Такие бы вездеходы сюда прислали, ого!»), вдруг, когда мы уже ехали обратно, серьезно, как бы сам себе сказал: «Придет, бывает, весна, все распустится, зацветет, птицы, цветочки первые, завязи... Вдруг дохнет север — и все погибло в одночасье. До слез жалко. Хочешь верь, хочешь не верь — но вот когда я в первый день по радио услышал о Чили, то вспомнил про этот весенний лес...»

А Георгий Дмитриевич все исписывает свою тетрадь. И как бы в эти минуты снова проходит участки и просеки, снова беседует с лесниками и рабочими, снова встречает знакомые деревья и дубравы, снова вспоминает те мысли, что навеял на него лес. Человек с великой ответственностью в душе, с ответственностью за малое и большое... «Вот почему испокон веку людей высота манит. Мы любим высокие места, откуда далеко видать. Да и к жизненной высоте через трудности человек стремится, чтобы во всей удивительной красоте видеть распахнутые светлые дали» — так написал в одном из своих коротких лесных рассказов Георгий Дмитриевич. И, думаю, слова эти можно отнести к нему самому. И к тем, кто живет на кордонах его лесничества. Так учит нас наша советская жизнь, что «состоять в человечестве» можно, только принимая посильное участие в его судьбе, причем участие активное, даже если оно в основном выражается в горячем интересе к происходящему на земле, в способности горячо сопереживать заботам и надеждам других людей, других народов. Именно эта сопричастность, умение разглядеть и поддержать доброе дело и понять страдающих людей, где бы они ни жили, присуща и людям из глухой Мещеры; это их вклад, помимо, конечно, их труда, в общую нашу политику дружбы и мира на земле.

АЛЕКСЕЙ САВИН, СТУДЕНТ-МЕДИК:

«И потом, ты учти, чужое сопереживание, чужая поддержка — это я как врач говорю — страдающему человеку действительно помогают».

ЧЕЛОВЕК — НЕ ОСТРОВ

Алексей ИВКИН
Фото Ю. Егорова

Где-то на рассвете увидел он сон. Будто его после бесчисленных прошений, молений и справок наконец-то зачислили в отряд советских врачей, который вылетал в далекую южную страну на помощь пострадавшим от гигантского землетрясения. Пока он пробивал разрешение, делал всякие прививки, два самолета с альпинистами и врачами улетели, и он едва поспел к третьему, который был загружен медикаментами и оборудованием для полевого госпиталя. Они взлетели, легли на курс, и сначала все шло нормально. Но над океаном у них вышло из строя радио, а потом загорелись сразу два двигателя... Потом он увидел лица отца и матери в тот момент, когда они узнают, что самолет с их сыном потерялся... Во сне он испытал не столько страх, сколько острую досаду, что зря старался, бегал, уговаривал, добивался, — не долетел, а ведь он врач и очень бы мог пригодиться.

Он проснулся и пошел в кухню напиться. В квартире была полная тишина, только урчал, бубнил свою песенку холодильник. Пока пил воду, «прокрутил» еще раз сон, усмехнулся над собой...

Так часто бывает, что мы стесняемся показаться «чересчур» хорошими не то что окружающим — самим себе. Даже наедине, когда некому подслушать нашей «души прекрасные порывы», заслоняемся от них самоиронией. Может, оно и к лучшему, скромность же красит... Только бы не переусердствовать нам в самоироничности. Вот и я очень опасался, что эта, вполне естественная, впрочем, застенчивость может стать в разговоре с Савиным таким барьером, взять который удается далеко не всегда. Тем более порадовался я, когда Савин решился рассказать мне о сне, пригрезившемся пять лет назад. Сон-то, не считая драматической концовки, оказался вещим: Савин стал таким, каким увидел себя тогда, в шестнадцать лет. И медик он теперь, и занимается самой что ни на есть интернациональной работой.

Ничего таинственного в том, что сон сбылся, конечно же, нет. Просто жила в душе нормальная человеческая потребность сопереживать, помогать попавшему в беду — и ближнему и дальнему, и получать удовольствие от того, что вот день хорошо, «по делу» прожит. А если нет такого чувства, то откуда возьмется и понимание того, что мы зовем международной классовой солидарностью, — предмет нашего разговора. Какая же солидарность как точка зрения без сопричастности как чувства?

Но вернемся в тот уже далекий 1970-й. Алеша Савин учился тогда в десятом классе и подумывал о поступлении на медицинский. Немножко больше других предметов любил биологию, возился потихоньку с живностью. Ну и язык. Прилично знал английский.

Осенью 71-го в Москве проходил Международный конгресс хирургов. Абитура первого медицинского, став студентами, поехала «на картошку», в подшефный подмосковный колхоз, а Савина, как знающего английский, попросили помогать на конгрессе, в частности, встречать в «Шереметьеве» прибывающих на конгресс ученых и провожать их в гостиницу.

— Пожалуй, так я в первый раз столкнулся с тем, что принято называть интернациональной работой...

Дозвониться до него было трудно. То долгие, до глубокого вечера, занятия в институте, то ночные дежурства в клинике, то заседание комитета комсомола, то вечер в студенческом кафе, на котором ему нельзя не быть.

В свои, в общем, еще юношеские лета (Леше 21 год) он предельно загружен, но внешне вовсе непохож на безумно занятого, куда-то летящего, суетного, заморенного текучкой человека. Наоборот, Леша, может быть, странно спокоен для своего возраста, нетороплив.

Итак, он медик. Учится на пятом курсе первого лечебного факультета 1-го медицинского института имени Сеченова. Пройдет пара лет — и он акушер-гинеколог. Есть у Леши и довольно длинный общественный титул — член институтского комитета комсомола по работе с иностранными учащимися.

Уже на первом курсе его выбрали в интерсектор комсомольского бюро на «потоке» лечебного факультета (180 студентов). Опыта при этом у него было ноль целых ноль десятых. Нельзя же считать серьезным опытом «встречание» хирургов в «Шереметьеве»... Просто (догадывается задним числом Леша) производил на ребят хорошее впечатление, ну и выбрали. (Он, кстати, на всех производит хорошее впечатление. Бывают такие люди — на всех производят только хорошее впечатление, хотя пальцем о палец специально для этого не ударят: природа!)

Итак, столкнулся с этой работой (по его же мнению) абсолютно случайно, а вышло потом — не бросить, понравилось. Не просто понравилось (тут и в самом деле ничего хитрого нет; кому не по душе интересный круг общения?), а понравилось необходимостью такой работы для ребят, приехавших к нам из разных стран мира получать советский диплом врача. А таких ребят в его институте много — советское медицинское образование котируется высоко.

Ну что ж, до сих пор интервью шло гладко. Оно и понятно — обычная информационная часть: что и когда. Но со страхом вызвать ироническую, оградительную улыбку подбирался я к главному своему вопросу: нашел ли Савин в этой «нагрузке» и в этой работе что-нибудь свое, уже бывшее в нем, и для себя, на будущее, что

видит в ней? И не только возможной иронии по отношению к себе боялся я (потому что вопрос был, согласитесь, немного сродни вечному: «В чем же смысл жизни?»), но и готовых формулировок... Пусть бы, думал я себе, Леша не ими меня поразил, а пусть бы рассуждал. Не очень логично, больше эмоционально, может, с пощелкиванием пальцами в воздухе, когда хочется поймать вертящуюся и убегающую мысль, — но рассуждал. Однако вопроса о том, как же Савин понимает солидарность, я так и не задал. Стало понятно, что не к чему так вот, «в лоб»...

Эпиграфом к этой попытке очерка я бы теперь, задним числом, поставил те строки из средневекового английского поэта Джона Донна, которыми Эрнест Хемингуэй предварил свой роман «По ком звонит колокол». Хотя — кому это не покажется? — звучать это будет дерзковато. И все же мне хочется теперь, после того, как я узнал Савина, настоять на таком эпиграфе, потому что он вполне может быть и эпиграфом ко всей жизни Леши Савина, к его пониманию и самого себя, и мира вокруг. Там, напомню, есть такие слова: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе: каждый человек есть часть Материка, часть Суши...» И еще: «...смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством...»

Собственно, это несложно — объяснить, в чем состоит комсомольская оабота Алексея как ответственного за интерсектор. (Наверное, так в свое время и ему объяснили.) Представьте ситуацию. Вы приехали в чужую, незнакомую вам (или книжно знакомую) страну, в которой предстоит прожить несколько лет. Вы, возможно, маломальски владеете языком этой страны, однако почти ничего о ней не знаете. Между тем надо жить, а ведь весь жизненный уклад, тот самый «монастырский устав», который везде свой и в который не всякий вхож, состоит из бог знает каких мелочей, деталей и нюансов. Аборигены впитывают их с молоком матери, а для человека со стороны они оборачиваются всяческими неловкостями. Хорошо, когда у вас в незнакомой стране друзья, они всегда придут на выручку. А если нет? Значит, необходимо, чтобы они как можно скорее появились. Так вот, Леша Савин и есть как раз тот человек, который первым должен прийти зарубежным ребятам на помощь, вывести их, так сказать, «в свет», сделать так, чтобы у них как можно скорее прошло «гостевое» чувство, чтобы иностранцы не замыкались в узком кругу своих землячеств. Ведь было бы и вправду жаль, если б все шесть лет эти ребята простояли вне студенческого круга. Я бы даже так сказал: Леша — ответственный за будущие воспоминания иностранцев; за то, чтобы будущие их небрежные фразы — «когда я был студентом...», «когда я жил в Москве...» — всегда бы сопровождались радостью и ностальгией.

Должен сказать, Леше это удается. Как? В смысле какова «технология»? Тут я пас. Лучше спросить об этом иностранных студентов медицинского института, которых Савин опекает или опекал. Впрочем, я ведь не ставлю себе задачи написать практикум по интернациональной работе, а по сути дела, практикум по искусству дружбы. Тут не столько, видимо, от разума, сколько от сердца. От сердца да еще, вероятно, от той вот чувствительности, которая так, даже внешне, обращает на себя в Савине внимание.

— Алешка — просто хороший человек, — хлопнув меня по плечу, резюмировал студент-чех, когда мы сидели в институтской столовке, превращенной в очередную субботу в вечернее кафе.

— Понимаешь, — говорил мне Савин, — если зарубежных ребят не окунуть сразу в нашу жизнь, с первого курса прямо, если поддерживать только официально-гостеприимные отношения, то эта автономия у них все годы будет сохраняться. Вот поэтому наш интерсектор в комитете и положил себе за правило работать вместе с землячествами и комитетами братских молодежных союзов в Москве. Кстати, как раз вчера, когда ты мне звонил, мы подписывали договор с болгарами—о программе общей деятельности на год. Мы со всеми землячествами такие договора заключаем. В договор входит всё: начиная от помощи в учебе и самоуправления в общежитии и кончая культурной программой, вечерами в нашем интеркафе, митингами, строительными отрядами...

— А много ли иностранных студентов у вас записывается в стройотряды?

— Легче сказать, сколько не записывается: таких мало. Понимаешь, ребята отказываются даже от поездок домой на каникулы, хотя, может, давно уже дома не были. Едут в отряд. И работают как черти. Заразились, так сказать, бациллой труда, — прорезался в нем медик.

— Ну а наши студенты ездят за рубеж в интернациональные строительные отряды?

— Конечно. Например, в 1973 году студенты нашего института работали в Чехословакии, в Праге, на строительстве обувного комбината. В отряд, кроме нас и чехов, входили еще ребята из ГДР и Польши. О том, как работали, говорить не буду — в интеротрядах плохо не работают. Важно ведь еще и то, скольких друзей мы там приобрели. Чешские ребята принимали нас великолепно, показали все самое интересное, да и возили чуть ли не по всей стране.

— Ну, хорошо, Леша, сферу деятельности интерсектора я понял. Но мне-то хочется, чтобы мы все же сдвинулись от общественных дел в сторону личного. Как ты, например, считаешь, самый простой человек, вовсе не занимающийся интернациональной работой, ну совсем не имеющий к этому отношения, такой человек как-нибудь причастен к международным проблемам?

Савин помолчал. Покрутил головой. Потом медленно достал «Беломор» и долго разминал папиросу в пальцах.

— Непременно причастен. Если, конечно, это не обыватель, которому все до лампочки, весь мир и все человечество, кроме, разумеется, личных интересов, в основном направленных на удовлетворение дико растущих потребностей...

— Ну а тебе-то лично что дает эта интерработа?

— Про себя трудно говорить, но думаю, что более широкий взгляд на человека... Так? — вопросительно посмотрел он на меня.

— Не знаю. Если это происходит по чисто арифметическим причинам — ты познакомился с венграми, с арабами, с чилийцами и т. д., — то очень все как-то просто... География с этнографией.

— Почему? Разве не узнаешь при этом национальный характер какого-нибудь народа, узнав его, так сказать, представителей?

— Ладно. Допустим, узнал ты национальный характер. И что дальше?

— Как же! Когда узнаешь людей других стран, всегда сравниваешь себя с ними, ищешь общее. И здорово, когда видишь, как много этого общего. Особенно у молодежи. Можно спорить, доказывать. Да и к себе начинаешь относиться как-то по-другому. Ответственнее и строже, что ли. Если б я говорил не о себе, то сказал бы, наверное, так: в общении, только не пустом конечно, человек, узнавая других, познает и себя. И делает себя, формирует. Причем этот процесс взаимный.

— Это ты и называешь дружбой?

— Наверное, так оно и есть. И еще. Бывает, что хочешь, ну всей душой хочешь помочь, а не можешь. Вот так, как было, когда держали в тюрьме Анджелу Дэвис. Тем более что нам, врачам, страдания людей очень знакомы. Но боль моего пациента я могу облегчить, а тут...

— Как же быть тут?

— Все равно — если болеешь чужой болью, это значит, что ты все-таки готов помочь, и если будет такая возможность, то поможешь. Скажем, я лично один не в силах вызволить из тюрьмы Луиса Корвалана, я не смог спасти жизнь его сыну, но это же не значит, что мне безразлично, что происходит в Чили... И потом, ты учти, чужое сопереживание, чужая поддержка — это я как врач говорю — страдающему человеку действительно помогают. А потом — что же это мы все обо мне говорим? — поддержка, солидарность одного — это одно, а многих — совсем другое. Вспомни ту же судьбу Анджелы Дэвис.

...Однажды утром в октябре он раскрыл «Комсомольскую правду» и увидел знакомый, уже печатавшийся в газете снимок: под портретом Луиса Корвалана стоял его сын, Луис Альберто. Худое мужественное лицо, черные глаза, черные усы. Вылитый отец в молодости. Луис что-то страстно говорил аудитории.

В заметке рядом со снимком было написано, что Луис-младший умер от инфаркта — разрыва сердца — в Болгарии, куда он приехал как гость Димитровского коммунистического союза молодежи. Луису было немногим больше тридцати.

Савину не надо было объяснять, почему инфаркт, болезнь пожилых, может убить в тридцать. Фашисты Пиночета не всадили в Луиса пулю, им не удалось сгноить его в тюрьме, как они делают это с его отцом, но Леша понимал, чт эта смерть — дело их рук. Инфаркты в тридцать бывают чаще всего у тех, кто чрезмерно перегрузил свое сердце болью.

Савин в то утро сменился с ночного дежурства в институтской клинике и шел в институтское общежитие, шел и думал: как же сказать об этом своим чилийцам, ведь они, возможно, еще не знают.

Первое, что увидел в вестибюле общежития, — траурный плакат с портретом Луиса. У плаката молча толпились студенты, долго читали сообщение и, прочитав, продолжали стоять и смотреть на портрет. Смуглые лица чилийских ребят были земляными. Но никто не плакал. Даже девушки.

— У нас учатся чилийские ребята. Некоторые уже заканчивают курс. Я думаю: а куда они потом поедут? В фашистскую страну, работать на Пиночета? Да ни за что! Но каково им без родины, если там их родные, близкие? Как, черт возьми, неустроен еще мир!

...В сумке лежали белый халат и тапочки. Он собирался на ночное дежурство в институтскую клинику. Я попросился с ним, но получил отказ. «Я там сам еще на птичьих правах, а у нас строго. Особая стерильность и все такое... Да и тяжело это, когда роды. Подготовка нужна моральная...»

На столе лежала свежая газета, в которой была помещена информация о том, что госпиталю Альберта Швейцера в Ламбарене, Габон, грозит закрытие из-за финансовые трудностей.

Хотел было спросить Савина:

— Поехал бы туда работать?

Да не спросил, не было смысла задавать наивные вопросы.

«ЗВЕНЯТ, КАК СТРУНЫ, ПАРАЛЛЕЛИ»

М. БЕЛЕНЬКИЙ,
наш спец. корр.
Фото Г. Анастасиади

ПОСТСКРИПТУМ К МЕЖДУНАРОДНОМУ МОЛОДЕЖНОМУ ФЕСТИВАЛЮ „АЛАЯ ГВОЗДИКА"

Четыре фестивальных дня остались в ноябре; газеты, как положено, в срок сообщили имена лауреатов, а телевидение показало записанный в Сочи концерт, так что читатели могли сами увидеть и услышать молодых певцов из 20 стран, принимавших участие в конкурсе политической песни. Поэтому попытаюсь остановить внимание на деталях, на том, что осталось «за кадром», но имело самое непосредственное отношение к мероприятию под названием «фестиваль».

Фестиваль отложился в памяти своим главным качеством: это праздник. Праздничными были не только концертные выходы, обозначенные мощным звучанием оркестра; праздник был и в хлопотливой суете репетиций, и в разноцветье флагов перед сочинским Зимним театром, и в азартной резвости собирателей автографов, и в долгих — до первых петухов (неслышных, правда, на 15-м этаже гостиницы в центре города) — сидениях в Интерклубе. Но праздник **политической** песни не мог не иметь и еще одной особенности. В нем возникала, как вещь само собой разумеющаяся, митинговая торжественность — признак осознания присутствующими своей правоты и силы. Она, повторяю, абсолютно естественно охватывала зал, когда в конце каждого конкурсного дня певцы и зрители пели вместе стоя песню, которую не задушишь, не убьешь.

Нынешний фестиваль в Сочи четвертый по счету. Как и те, что состоялись в 1967, 1968 и 1969 годах, он проводился «в целях дальнейшего укрепления дружественных связей между творческой молодежью разных стран, популяризации лучших молодежных политических песен, воспевающих торжество идей гуманизма и социального прогресса, интернациональной дружбы, антиимпериалистическую солидарность юношей и девушек в борьбе за мир и лучшее будущее молодого поколения». Так значилось в проспекте «Алой гвоздики». Новой была строка: «В память о выдающемся чилийском певце-коммунисте Викторе Хара».

Возможно, закрадется сомнение. Память умершего чтят молчанием... Да, но Виктор Хара был певец, и лучшая память о нем — его песни. Запрещенные в Чили, они прозвучали на разных языках с разными акцентами — доказательством того непреложного факта, что можно убить певца, но не песню.

При жизни Виктор был всегда на людях, не мыслил себя без товарищей, без единомышленников. И мученическая смерть его свершилась тоже на миру.

Мир потерял певца. Случилось такое совпадение, что перед самым началом Сочинского фестиваля мы получили в редакции номер английского еженедельника «Нью мюзикл экспресс». Обычно он публикует пространные интервью с видными деятелями эстрады, поп-музыки, джаза. А в этом был большой материал о Викторе Хара, рассказ его жены Джоан, фотографии, выдержки из прессы. Все же здесь не просто совпадение, тут видится примета времени. Невозможно сегодня, даже изданию, далекому от политики, игнорировать в музыке песенный политический жанр.

«Ровесник» уже не раз писал о Викторе Хара, сначала по горячим следам трагедии Чили, потом публиковал его песни. Но пусть и в нынешнем фестивальном отчете первым прозвучит слово о певце, сказанное самым близким ему человеком.

на стр. 24 ▶

АЛМАЗЫ — СЛЕЗЫ ЗЕМЛИ

Так сказал один средневековый арабский поэт. Вот они, «новорожденные» алмазы... Впереди у них — путешествие из ЮАР в Лондон, где десять раз в год устраиваются «недели» показа алмазов. Каждый из «новорожденных» обретет своего богатого хозяина и, пройдя шлифовку, украсит шею или палец. Давно подсчитано, что для извлечения одного карата (200 миллиграммов) алмаза требуется перелопатить 250 тонн породы. Никто не подсчитывал, сколько пота в расчете на один карат проливают те, кто эту породу перелопачивает... Не найти таких выкладок и по другим отраслям горнорудной промышленности ЮАР — добыче золота, платины, хрома, угля. Но беспокоиться о судьбе чернокожих рабочих (составляющих 90 процентов из примерно 400 тысяч горняков ЮАР) вовсе незачем, судя по отрадной информации местной печати. Вот несколько лет назад — дело другое. Тогда, в 1968 году, например, соотношение между зарплатами белого шахтера и черного было 17 : 1, а в 1969-м даже 20 : 1. Но сейчас, о, вы не поверите, уже 8 : 1! Прогресс налицо! А точкой отсчета его, добавим от себя, можно по праву считать сентябрь 1973 года, когда взбунтовались, доведенные до отчаяния, шахтеры золотого рудника «Уэстерн дип левелс» в Карлтонвиле. С того времени произошло более 30 выступлений, в которых участвовало 80 тысяч шахтеров. Убитые и раненые исчисляются сотнями. Кровью добывалось это «более равноправное соотношение», 8 : 1... А алмазы? Что ж алмазы... Сверкают. И приносят доллары империи под названием «Де Бирс консолидейтед майнз» — миллиард за миллиардом, из года в год. Аппетит, как известно, приходит во время еды. И, говорят, хозяева «Де Бирс» уже с интересом поглядывают на... Луну — не пора ли и ее перелопатить? Одна загвоздка — пока не рентабельно: себестоимость лунного грунта сейчас составляет 500 тысяч долларов за грамм. Уже подсчитали...

СНАЙПЕРЫ ДЛЯ ЭВКАЛИПТОВ

Эвкалипт удостоился чести быть упомянутым в документе Организации Объединенных Наций: дерево рекомендовано для распространения в тропических и субтропических районах. Неприхотливые гиганты, вымахав на 60, а то и на 100 метров в высоту, осушают болотистые низменности, предохраняют почву от эрозии и создают тень. Родина эвкалиптов — Австралия, где насчитывается 500 разновидностей чудо-дерева. Сейчас его семена экспортируются в 72 страны. Чтобы удовлетворить спрос, Канберрский институт лесоводства зачислил в свой штат группу снайперов, которые меткими выстрелами сбивают плоды с семенами наземь.

БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ! Заметка под таким заголовком появилась недавно в американском журнале «Атлас». Автор ее рекомендует следующие заповеди, которые, по его мнению, страховые фирмы должны вручать своим клиентам:

«1. Не выходите на улицу, но не оставайтесь и дома. 2. Если вы вышли на улицу, то ни в коем случае не в компании и не в одиночку. 3. Если вы отправились в гости, то ни в коем случае не на автомашине и не пешком. 4. Если вы возьмете такси, то подвергнете себя таким же опасностям, что и в своем авто. 5. Если вы пригласили гостей домой, то все ценности должны спрятать в сейф и вызвать полицию».

«МНЕ НУЖНЫ ДЕНЬГИ, ЧТОБЫ ЗАЩИТИТЬСЯ ОТ ДЕНЕГ»

Эта странная на первый взгляд фраза принадлежит голландскому футболисту Иохану Круиффу. Он прославился не только виртуозной игрой на поле, но и целым рядом судебных дел об уплате ему компенсаций за «моральный ущерб». В Испании, где Круифф сейчас играет за клуб «Барселона», за футболистом даже закрепилась кличка «песетеро» — «денежный мешок». Но вот что объясняет форвард в интервью лондонскому еженедельнику «Обзервер мэгэзин»: «На моем имени пытаются заработать все, кому не лень: промышленники используют его для рекламы заведомо неходовых товаров — таким образом они надеются поднять на них спрос; газеты, прогорая, печатают несуществующие интервью со мной — там мне приписывают вещи, которые не только я, но и любой здравомыслящий человек сказать не может, и так далее. Защититься от подобных нечистоплотных дельцов я могу только самым чувствительным для них оружием — требуя через суд уплаты штрафов. Когда дело касается денег, эти господа становятся более понятливыми».

РАБОЧИЙ ДЕНЬ — ДЕНЬ РИСКА

Это не «постановочная» фотография, а сценка из жизни, подсмотренная репортером, заверяет редакция западногерманского журнала «Штерн». Целой серией подобных снимков, показывающих, как опасно «легкомыслие», сопровождает «Штерн» печальную статистику о несчастных случаях на производстве в ФРГ. Каждые семь минут один рабочий становится инвалидом; каждые два часа случается несчастье со смертельным исходом; за год жертвами происшествий на рабочем месте становятся 2 миллиона человек. «Квота легкомыслия», то есть пренебрежения требованиями безопасности труда со стороны самого потерпевшего, составляет половину всех случаев.

А другая половина? По признанию журнала, Федеративная Республика фигурирует в последнем докладе Международной организации труда в числе других западных стран, где техника безопасности труда не поддерживается на должном уровне. Причины? «Штерн»: «Отношение к этому вопросу со стороны руководства фирмы. Часто оно нарушает даже существующие условия безопасности и сознательно идет на риск несчастных случаев». К примеру, продолжает журнал, на одном заводе в Кёльне с пресса сняли защитное устройство, чтобы «повысить производительность труда». На жалобы рабочих администрация раздраженно отвечает: «Работайте! А не нравится — уходите». А в нынешней обстановке в ФРГ еще неизвестно, что хуже — рисковать, но работать или без риска получить работу толкаться в очереди на бирже труда...

А ЧТО РИСУЮТ?

«Портрет хиппи», сделанный 14-летним Полем Келли, занял первое место на конкурсе детских рисунков. Конкурс проводила фирма канцелярских товаров в Монтрозе, Шотландия. Хиппи и ножницы — раньше их в одной компании не видели...

ЛЕТУЧИЕ ИСПОВЕДНИКИ

Архиепископ британского города Норвич в графстве Норфолк осенил крестным знамением первую моторизованную когорту священников, и те двинулись в поход. Для чего слугам господа понадобилось седлать железных коней? Причин, как выяснилось, две. Первая — дороговизна в содержании автомобилей и рост цен на бензин. Но главное — «создание нового облика» исповедников. «Молодежь любит мотоциклы, — сказал архиепископ, — поэтому вид пастыря в шлеме, очках и кожаной куртке будет ей ближе, чем в традиционной сутане». Ну-ну, интересно, каким окажется следующий шаг исповедников в погоне за душами молодых...

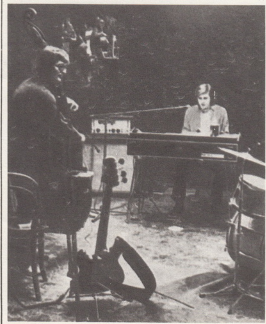

ВЫ СПРАШИВАЛИ

«СЧАСТЛИВЧИК» ПРАЙС?

После выхода на экраны фильма «О, счастливчик!» читатели в ряде писем просили рассказать об авторе песен Алане Прайсе, игравшем в картине. Имя этого талантливого музыканта стало известно в 1964 году, когда руководимый Прайсом ансамбль «Энималз» занял одно из ведущих мест в британском хит-параде, записав новую аранжировку старинной американской баллады «Дом восходящего солнца» («Ровесник» опубликовал ее в № 4/68). Но дальнейшую его судьбу никак нельзя назвать счастливой. В 1966 году Прайс уходит из «Энималз» и организует группу «Установка Алана Прайса». Сам Алан, которому тогда было 24 года, играл на органе и пел. В 1968 году «Установка» бесшумно распадается. Вновь Прайс появляется на сцене весной 1971 года — на этот раз в дуэте с еще одним бит-ветераном, бывшим лидером «Голубого пламени» Джорджи Фэймом. Первая «сорокапятка» дуэта — «Розетта» — имела успех, однако последующие пластинки были менее удачны, и, не просуществовав и года, дуэт «Фэйм энд Прайс» («Слава и цена» в дословном переводе) разваливается.

Последние, сольные, альбомы Алана Прайса — звуковая дорожка фильма «О, счастливчик!» и «Человек из метрополии» (вышла в 1975 году). Алан Прайс — автор книги «Каково быть членом поп-ансамбля», в которой он рассказывает о взаимоотношениях артиста и публики и о нравах, царящих в поп-музыкальном мире. Отрывки из нее публиковались в «Литературной газете» № 18 за 1974 год.

ГВАРДИЯ НЕ СДАЕТСЯ!

Эти молодые люди не участники карнавала; они находятся при исполнении служебных обязанностей. Правда, их несколько необычная форма не претерпела изменений за последние 400 лет. Это папские гвардейцы, охраняющие государство Ватикан. Страна занимает пять кварталов в центре Рима вокруг собора святого Петра. Территория небольшая, но суверенная. Гвардейцы следят там за порядком, во время торжественных церемоний носят кресло, в котором восседает папа римский, и сторожат ватиканские магазины, где цены несколько ниже. В общем, служба не очень тяжелая. Если бы не одно «но». При найме гвардейцы подписывают обязательство не жениться. В противном случае они будут немедленно уволены. Вот против этого-то пункта и восстала папская стража, пригрозив забастовкой в случае, если запрет не будет отменен. Канцелярия папы всячески затягивает дело. Но гвардия не сдается и в подтверждение своей решимости промаршировала в полном облачении по площади святого Петра.

КРОЙДОНСКИЙ РИТМ

Неожиданно для себя английский город Кройдон стал общепризнанным центром... ритм-индустрии. Получилось это так: местные школьные власти, ревнуя к музыкальной славе Ливерпуля и Лондона, постановили создать в школах города несколько джазовых оркестров. Цель, в общем-то, была благая — музыкальное воспитание подрастающего поколения. По замыслу организаторов, школьники должны были играть вест-индскую музыку. Почему вест-индскую? Да потому, что ее четкий ритм и красивые мелодии могли скорее «дойти» до школьников и до потенциальных слушателей, уже уставших от рок-н-ролла. Стали закупать инструменты, а чтобы сэкономить, решили сделать ударные собственными силами. Открыли при одной из школ производственную мастерскую, договорились с местными заводами об использовании отходов производства, пригласили двух специалистов с музыкальной фабрики, и дело завертелось. Барабаны, которые они делали, оказались настолько удачными, что слава о них дошла до музыкантов-профессионалов. Теперь продукцию школьной мастерской экспортируют даже в Вест-Индию. А как же музыкальное воспитание? Говорят, что в барабанном грохоте коммерции оно как-то незаметно отошло на второй план.

со стр. 21 ▼

Джоан Хара:

«Когда я встретилась с Виктором, мой мир был узок, по сути, он исчерпывался миром танца. Хара показал мне его широту. Познакомились мы в моем классе, где я вела уроки бального танца. Он пришел учиться пластике. И, в свою очередь, пригласил меня посмотреть поставленную им пьесу. Это была первая честная пьеса, которую я увидела в Чили. Виктор там пел.

В это время, в 1965 году, Виолетта Парра, собирательница народных песен, объединила группу молодых людей в клубе «Пенья». Главными активистами там были дети Виолетты — Исабель и Анхель, а также Виктор Хара. «Пенья» представлял собой старый дом, который они арендовали, вначале только один маленький зал, потом — нижний этаж и, наконец, весь дом. Уже по этой детали можно понять, сколь успешно было начинание, как велика была заслуга активистов, сумевших заинтересовать молодых чилийцев своим делом, пробудить в них интерес к национальному наследию. Позже во время Народного единства в стране возникло более ста филиалов «Пеньи».

Там же, в клубе, родилось движение «Новая песня». В 1967 году образовались ансамбли «Килапаюн» и «Инти-Иллимани». Первые три года Виктор работал с «Калапаюн», завоевав популярность, хотя ансамбль не пускали ни на радио, ни на телевидение. Был, правда, устроен фестиваль «Новой песни». Видимо, тогдашнее правительство демохристиан надеялось, что «Новую песню» удастся «канализировать» — направить по привычному руслу концертов, записей и телешоу, которые должны превратить активиста в гастролера. Виктор получил на том конкурсе первую премию за свою вещь «Призыв к землепашцу». Но «звездой» он не стал, это было не для него...

В годы Народного единства мы с Виктором виделись очень мало, даже по воскресеньям он редко мог побыть дома. Он все время торопился, надо было идти выступать. У меня тоже прибавилось работы. Настало новое время — раньше ко мне в класс приходила избранная публика, а теперь туда собирались люди с улицы. Открылись балетные студии при фабриках и даже в бидонвилях на окраине Сантьяго. Люди тянулись к прекрасному.

...10 сентября 1973 года был последний нормальный день нашей жизни. Я провела урок танца. Сейчас это звучит дико... 11-го утром я повела девочек в школу, но с полдороги вернулась: центр был окружен танками. В передней я столкнулась с Виктором, он натягивал плащ, собираясь уходить. Формально местом его работы был Технологический университет, и как раз в тот день, 11-го, там должна была открыться выставка, рассказывающая об ужасах фашизма в мире. Ожидали, что там выступит Сальвадор Альенде; Виктор должен был петь.

Больше я его не видела. Он мне звонил еще дважды в тот день, просил не выходить из дому. По радио передавали военные марши, целыми часами одни военные марши, ничего больше. Дочери — Мэнди и Мануэла — спрашивали, что это за грохот. Видимо, обстреливали с самолетов ракетами президентский дворец «Монеда». Позвонив во второй, и последний, раз, Виктор сказал: «Мне еще надо остаться здесь на какое-то время... Я люблю тебя». Я сказала, что тоже люблю его...

Виктора не было дома уже двое суток, когда мне позвонил неизвестный и сказал, что у него есть сведения о муже. Но пришел он только через день и повел меня в морг.

Мы с трудом отыскали Виктора среди множества тел, помеченных запиской «Неизвестный. Подобран на улице». Но все знали, что их убили на стадионе. Мне тяжело говорить об этом даже сейчас... Они что-то сделали с его руками. У него были изуродованы руки...

О том, как это все случилось, мне рассказал потом журналист Мигель Кабесас со слов людей, видевших все это на стадионе. Когда офицеры стали обходить помещения, набитые арестованными, кто-то из них узнал Виктора в раздевалке для боксеров. Офицер начал кривляться и делать вид, что играет на гитаре. Потом он крикнул четырем охранникам, чтобы те вывели Виктора на середину ринга. Там стоял стол. Они положили его руки на стол, и офицер железным прикладом раздробил ему пальцы. Виктор упал, а их начальник принялся пинать его ботинком, приговаривая: «Теперь можешь петь! Пой, мерзавец, пой!»

Виктор встал шатаясь. Арестованные, сидевшие на трибунах, замерли. Стало очень-очень тихо. И все услыхали, как Виктор сказал: «Ну что ж, товарищи, уважим господина начальника!»

Он поднял окровавленную руку и во весь голос запел гимн Народного единства «Венсеремос!». Песню подхватили на трибунах. Раздалась очередь из автомата, и Хара умер».

Все дни фестиваля портрет Виктора Хара висел высоко над сценой. Его глаза смотрели лукаво, а улыбка была ободряющей. К портрету тянула гвоздику смуглой рукой 18-летняя победительница конкурса кубинка Архелия Фрагоссо. На него смотрели, высоко подняв над головой перехваченные за гриф гитары, семеро чилийцев из ансамбля «Апаркоа».

Еще Герцен столетие назад писал старому товарищу: «Враги наши никогда не отделяли слова и дела и казнили за слова не только одинаким образом, но часто свирепее, чем за дело». События, происходящие в странах с диктаторскими режимами, подтверждают этот страх неправоты перед правдой. В том числе (а иногда и прежде всего) перед правдой, носителем которой выступает песня.

Песня! Казалось бы, что в ней? Пропели — и нет ее. Но вот документ, оставленный истории режимом греческих полковников:

«Армейский приказ № 13.

1. Настоящим запрещаю по всей территории страны:

а) радиопередачи и исполнение песен композитора Микиса Теодоракиса... Эта музыка должна, кроме всего прочего, рассматриваться как коммунистическая пропаганда;

б) все гимны организаций коммунистической молодежи, поскольку означенные гимны возбуждают политические страсти и гражданскую междоусобицу.

2. Лица, нарушающие данное постановление, будут немедленно преданы чрезвычайному суду и судимы в соответствии с «Положением о лагерях».

Подписал: генерал Одиссей Ангелис,
Афины, 1 апреля 1968 г.».

Это не первоапрельская шутка. Это абсолютно серьезно. За песню можно было умереть.

Есть и аналогичное распоряжение, подписанное министром культуры франкистской Испании, с перечнем запрещенных песен («в том числе все произведения каталонского певца Раймона»). Специальная комиссия в Сеуле, назначенная Пак Чжон Хи, опубликовала список 137 корейских и зарубежных песен, недозволенных к публичному исполнению. Эрнст Буш, легендарный певец тельмановской гвардии, — он был заключен как особо опасный преступник в одиночную камеру нацистской тюрмы Моабит, а в его деле значилось: «Признан виновным в распространении в Европе коммунизма с помощью песен».

— Знаешь, после революции у нас стали разбирать архивы ПИДЕ, политической охранки. Мне позвонили: приходи взглянуть на свое досье. Прихожу, начинаю читать: «Вредно воздействует своими песнями на детей». На полях резолюция: «Потенциально опасен. Продолжать наблюдение»...

Это мне рассказывает Жозе Барата-Мора (его фото предваряет статью). Типичный интеллигент: спадающие с носа очки в громадной оправе, непременная книжка в руках, карманы набиты брошюрами, набранными с полки Интерклуба. Он уже успел проглотить их — на английском, испанском, французском, немецком. Жозе не только читает бездну, но и пишет. Он доцент кафедры философии Лиссабонского университета, автор недавно изданной в Португалии работы «Ленинское учение об истине». Активист коммунистической партии. Поэт. Композитор. Певец. В краткой справке о нем, подготовленной в пресс-центре фестиваля, значилось: «Автор слов и музыки, исполнитель песен, в основном политического и социального содержания. Был одним из шести певцов, которым в годы фашизма было запрещено выступать перед публикой».

— Перед взрослой публикой, — уточняет Жозе. — Когда последовал запрет, я начал писать детские песенки, забавные — про смышленого бедняка и скрягу-хозяина, про то, как жил-был страх и сам со страху помер. В этом тоже усмотрели вредное воздействие. Вряд ли бы удалось продолжать...

Мы гуляли в приморском парке, приятно пустом в некурортный сезон. Пальмы кивали кинжальными листьями в такт шагам.

— Мне повезло с революцией. Она подоспела вовремя — мне только двадцать семь. Я хочу, чтобы и революции повезло со мной и со всеми нами. У меня есть знакомый, ему под шестьдесят, он учительствует в школе, преподает историю. Так вот, он сказал слова, пронзившие меня до озноба. Мы смотрели вместе новый учебник истории, он только что вышел, и там есть такая фраза: «Фашизм просуществовал в Португалии почти полвека». И учитель заметил: «А ведь это, в сущности, вся моя жизнь...»

Жозе поднял с земли багряный лист. Формой тот был похож на сердце. Жозе отщелкнул футляр гитары и спрятал лист туда.

— Поедет со мной домой... Я написал об этом учителе песню. Называется «Пересмотренный учебник». Сейчас я тебе напою:

Друг, мой старший друг,
Тебе жаль жизни,
Проведенной в безвременье, в небытии.
Но ведь это твоя жизнь, твоя,
Не смотри на нее через плечо,
Ты жил не по учебнику, а по совести,
И я кланяюсь тебе...

Жозе Барата-Мора — человек со страстью проповедника и опы-

том политического оратора. Я смотрел его на сцене; контакт с публикой был мгновенный. Вот он деловито придвигал табурет, подпирал коленом гитару — и, словно продолжая прерванный разговор, уверенно пел, а перед рефреном властно взмахивал рукой, и зал вступал. Или другая вещь — саркастический посыл приспособленцам и мелким подлецам, которые не забывают теперь пришпилить красную гвоздику в петлицу, чтобы, как и прежде, обтяпывать свои дела.

— Это сатира, — терпеливо втолковывал Барата-Мора замотанному дирижеру Силантьеву.

— Будет сатира, — кивал Юрий Васильевич.

— Первый раз выступаю с таким большим оркестром, — озабоченно говорил Жозе.

Впрочем, не он один. Для многих, а если уж совсем точно, то для большинства, оркестр в пятьдесят музыкантов был внове. Иной была обстановка в Интерклубе, где все сидели за одним длинным столом и гитара шла по кругу, француз Франсуа Папьё подыгрывал на губной гармонике, а венгр Шандор Чизмадиа — на народном инструменте, похожем на укороченную мандолину, — тамбуре, — там, в Интерклубе, где не было конкурса и все болели за всех, там пели легко и столько, сколько хотели. Честное слово, мне жаль, что запись на пластинку (фирма «Мелодия» предполагает выпустить ее) шла в Зимнем театре, а не в Интерклубе, где хозяева и гости сидели вперемежку. Я говорил об атмосфере праздника — так вот, если праздник разнолик, то в клубе он был праздником товарищества. «Дружества», как сказал белоголовый болгарин Петр Чернев.

И еще. В этих поздних импровизированных концертах проявилось качество, присущее и поэзии, и современной «ангажированной» песне. Строки рождались под перебор струн **органически.** В определенном смысле такая песня «выбирает» себе творца, потому что должно же то-то и то-то прозвучать наконец в чьих-то устах!

Политическая песня — нить, ведущая к познанию мира, перевод личных и бессвязных, как это кажется порой, переживаний и мыслей на язык емких понятий, западающих в память образов и обжигающих душу сравнений. Сравнений себя и остального мира. Именно здесь ангажированная песня обнаруживает свое сродство с фольклором. Плач Ярославны на стене Путивля отдается эхом в тягучей песне вьетнамской матери, чей малыш был сожжен напалмом, и в «госпелах» негров Америки, и в «вочеро» португальской крестьянки, что бежала за арбой, в которой везли гроб ее сына, погибшего в заморской колонии. Эту музыку горя и боли нельзя имитировать, можно лишь пытаться возвыситься до понимания ее, до сопереживания и сострадания.

Закономерно, что многие политические певцы, особенно в Латинской Америке, в Азии, в Африке, начинали как фольклористы и до сих пор считают себя таковыми. Движение «Новой песни», к которому принадлежал Виктор Хара, а сейчас — приехавшие в Сочи Сесар Аугусто из Эквадора и Хулио Лакарра из Аргентины, осмысляет цели национальной независимости — экономической, равно как и духовной, — через фольклор, через народные песни **противостояния.**

На пресс-конференции певицу из Португалии Луизу Башту спросили о ее репертуаре. Вопрос, в общем, достаточно традиционный, но ответ касался не программы выступления, а программы жизни.

— Мне двадцать семь. Имею высшее музыкальное образование. Для партии работаю с тринадцати лет, вначале нелегально, потом в эмиграции. Привыкла к своему новому имени. Пела для португальских рабочих в Западной Германии, Франции, Италии, Швеции, Испании. Чаще всего меня просили петь о доме. И то, что знакомые всем народные песни пела я, коммунистка Луиза Башту, было, сознаю, политикой.

Народные песни аранжируют для гитары участники фестиваля конголезец Клотер Кимболо и индиец Кумар Сатиш. Их с виртуозным блеском исполняли в Сочи чилийцы из «Апаркоа».

— Ну а как же современные ритмы, ансамблевое многоголосье?

— Ритм — только средство. Самый заводной бит не может существовать сам по себе, — уверенно говорил мне Жозе Барата-Мора. — Еще в библии говорилось о «кимвале бряцающем». Кимвал — тогда, электрогитара — сейчас, какая разница. Если целью ритма становится вогнать человека в сумеречное состояние, то музыка превращается в торжество тупого блеяния. Недаром считают: пусть лучше ломают стулья, чем устои. Но когда **слово** выпевается, поддержанное нервным всплеском гитары, когда есть ток крови в пульсации ритма, я — за. Если голос срывается на крик, потому что нельзя иначе, — это одно. Но в коммерческом бите орут, чтобы заглушить смысл, кричат, чтобы ничего не сказать. Потому как сказать-то нечего...

— Поэт Андрей Вознесенский заметил, что ансамбли сигнализировали появление нового — группового — типа личности: «Есть плоды-гроздья (рябина, виноград) и плоды-одиночки (яблоко). Сейчас как бы групповой период формирования».

— Проницательное замечание, — откликается Жозе. — Коллектив, будь то ансамбль или театр песни, обретает новое качество — **сообщества,** со своим коллективным миром размышлений о жизни. Зритель, слушатель, таким образом, получает возможность вступить на время выступления в это сообщество, получить прививку коллективной мысли. Это чрезвычайно обогащает впечатление... Но мне лично, — продолжает он. — близка не только песня-проповедь, но и песня-исповедь. А для нее на сцене место только для одного... Когда есть потребность прорваться к человеку, убедить, растрогать, объяснить, тут остаешься один на один.

— Вот недавний эпизод, — Жозе припечатывает ко лбу очки. — Мы решили выступить на севере Португалии в казарме. Но армейское начальство — вы же знаете, какое там осенью сложилось положение: многие офицеры склонялись к поддержке латифундистской и церковной реакции — запретило митинговать на казенной территории. Тогда мы подошли вплотную к стене, окружавшей казарму, солдаты, как птицы, уселись наверху, и мы все-таки провели митинг.

— Ты пел?

— А как же! Я пел, переходя по дощатому помосту от одного солдата к другому. То была истинная близость к публике — а публика-то какая? Те же крестьянские парни, только в форме, И знаешь, несмотря на запрет, на многое другое, это был праздник!

Нельзя не вспомнить еще об одной краске фестиваля — той, что добавил день советской песни. Тут было не только удовольствие от узнавания вещей знакомых, но спетых необычно, не очень послушными для русской речи устами или вовсе на чужом языке. Интерес был еще в том — какие же наши песни привлекали этих дважды молодых — потому что поэты, потому что музыканты — ребят? Оказалось, что большинство, не сговариваясь, выбрали песни о войне. Об уже далекой войне, гражданской, пел «По долинам и по взгорьям» Франсуа Папьё, парижанин с львиной головой молодого Маркса. Майкл Глик, американец, исполнитель кантри и собственных баллад, пел, тяжело ударяя по струнам, «Священную войну». И по-юношески тонко выводил монгольский студент Ганболд слова о том, как у деревни Крюково погибает взвод.

О войне пели люди, войны не знавшие, видевшие ее в кино, читавшие в книгах, но ведущие собственную войну за те же цели — за свободу и справедливость в мире. Зато в зале у многих на парадных пиджаках были орденские планки, а у почетного гостя фестиваля — Марины Павловны Чечневой — звезда Героя. Публика понимала выбор заграничных певцов как дань уважения нашей стране, как низкий поклон ее людям. О павших при Дукле пел Мирослав Личко из Братиславы. А Петр Чернев из Софии исполнил впервые «Дневник Тани Савичевой» — о той девочке-второкласснице, что написала в блокадном Ленинграде, быть может, самый потрясающий документ о войне.

То была тоже политическая песня.

В день закрытия Сочинского праздника «дружества» и солидарности на сцену поднялась Гладис Марин. Она говорила о Викторе Хара.

— Он был таким же певцом, как вы. Он был нашим товарищем. Песни для него были орудием борьбы. Его кровью и кровью многих других пишется сегодня история Чили. Но его руки, изуродованные палачами, расцветают тысячами других рук, поднятых в знак солидарности. Молодежь поет, поэтому мы верим в победу!

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, В. Д. ОСИПОВ, Б. А. СЕНЬКИН, С. А. ЧИБИРЯЕВ.

Художественный редактор О С. Александрова
Оформление А. В. Громова
Технический редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

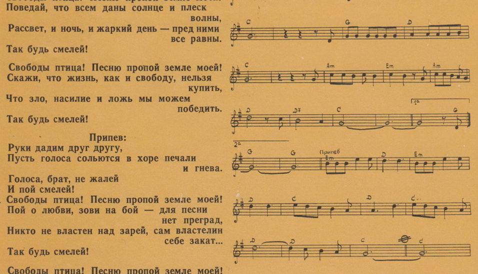
Сдано в набор 20/XII 1975 г. Подп. к печ. 23/I 1976 г. А04812. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2241.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

В этом номере мы начинаем публиковать песни, звучавшие в Сочи на IV Международном молодежном фестивале песни «Алая гвоздика».

ПТИЦА СВОБОДЫ

Хулио ЛАКАРРА (Аргентина). Русский текст Н. ЗАВАДСКОЙ

1. Свободы птица! Песню пропой земле моей!
Поведай, что всем даны солнце и плеск волны,
Рассвет, и ночь, и жаркий день — пред ними все равны.
Так будь смелей!

Свободы птица! Песню пропой земле моей!
Скажи, что жизнь, как и свободу, нельзя купить,
Что зло, насилие и ложь мы можем победить.
Так будь смелей!

Припев:
Руки дадим друг другу,
Пусть голоса сольются в хоре печали и гнева.
Голоса, брат, не жалей
И пой смелей!

2. Свободы птица! Песню пропой земле моей!
Пой о любви, зови на бой — для песни нет преград,
Никто не властен над зарей, сам властелин себе закат...
Так будь смелей!

Свободы птица! Песню пропой земле моей!
Настанет час, с тобой споет песнь эту человек,
Прекрасный мир, свободный мир завоевав навек.
Так будь смелей!
Припев.

1. Levanta sobre la tierra tu libertad,
et aire está en su sitie y el sol también.
No tiene patrón la noche
ni dueno el amanecer. ¡Levántate!

Levanta sobre la tierra tu libertad.
No dejes que la mentira pueda vencer.
La vida no tiene precio
para comprar o vender. ¡Levántate!

Припев:
No demores tu brazo
ni detengas tu voz,
Hay un grito esperando
dentro de tu sudor. ¡Levántate!

2. Levanta sobre la tierra tu libertad.
La vida tiene un destino de pan y amor.
Que nadie quiera ponerle
barreras al corazón. ¡Levántate!

Levanta sobre la tierra tu libertad.
Es hora que el hombre libre pueda cantar.
Hagamos con nuestras manos
el tiempo de amor y paz. ¡Levántate!
Припев.

Индекс 70781
Цена 20 коп.